

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК  НОВАЯ ЭРА

АНДРЕЙ МИНИН

КНЯЖИЧ

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ!

Андрей Сергеевич Минин Княжич

Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66618368*

*Княжич: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-139375-5*

Аннотация

Принимая удар за ударом, сломаешься ли ты под гнѐтом судьбы или выдержишь, закалившись как сталь? Смерть матери, ссылка родными в Сибирь... Ты переживешь и это, и многое другое. Не дрогнешь. Те, кто называет себя твоими друзьями, а за спиной точат ножи, ещё пожалеют, что так обошлись с тобой. С тем, кого в будущем будут называть не иначе как Князь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	60
Глава 8	69
Глава 9	78
Глава 10	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Андрей Сергеевич Минин

Княжич

© Андрей Минин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

– Что там по заводику Годуновых? – спросил старческий голос за дверью.

– Всё улажено, отец. Он наш, – ухмыльнулся старший сын главы княжеского рода Смирновых. – Они были рады избавиться от него, после того как мы обрушили его акции через подставное лицо, – хмыкнул усатый мужик лет сорока. – Повезло!

– Хорошо...

Они помолчали, пока я нетерпеливо переминался с ноги на ногу у дверей в кабинет деда, вслушиваясь в каждый шорох.

Сводному брату Витьке, конечно, верить нельзя, но если он прав, то сейчас решится моя судьба. Я плотнее приложил ухо к замочной скважине.

– Кхм-кхм, – прервало молчание покашливание дяди Ивана. – Осталось решить, что делать с Семёном.

Я задрожал. Речь шла обо мне.

– Твой брат всё так же не желает его видеть?

– Скорее не брат, а его жена, – поправил своего отца дядя. – Андрею плевать на сына от любовницы. Тем более слабосилка.

– Эх! – неодобрительно покачал головой дед. – Он ведь его плоть и кровь.

Они снова замолчали, обдумывая, куда меня деть.

Оставаться в родовом поместье опасно. Затравят. Но пока я держался. Не плакал. Знал, что после того как моя болеющая который год подряд мать умрёт, этот день настанет. Ведал, что законной жене отца я как кость поперёк горла. Бельмо в глазу.

Отцу же вообще плевать. По его мнению, у него не мог родиться такой слабак, как я. Ошибка природы, так он меня называл, когда случайно натыкался. Ещё и пенделя отвешивал, тварь!

– Может, отправим его в Сибирь? – предложил дядя Иван.

– О-о! – удивлённо уставился на него дед. – А ведь ты прав, сын! Там ему самое место. Да-да-да-да.

– По крайней мере мальчишка доживёт до совершеннолетия. Боюсь, иначе его или жёнушка братца со свету сживёт или её детишки. Или...

– Хватит! – прервал дед сына. – Не будем больше об этом. – Грозно посмотрел он на него.

– Так мне готовить всё для его переезда? – нахмурился дядя Иван.

– Обожди минутку. Дай подумать, – закрыл глаза дед, молча шевеля губами. – Да, так и поступим, – покивал он своим мыслям. – Значится так, – открыл он глаза и стал распоряжаться: – Ферму эту посреди непроходимого леса отпиши Семёну. Людей купи, а не выделяй из родовых слуг. В общем, помоги поначалу, а потом уж пускай он сам крутит-

ся. Докажет, что чего-то стоит и не зря носит нашу фамилию.

– Где же я тебе людей куплю? Чай, не война? – поднял брови дядя Иван.

– Каторжан с урановых шахт выкупи. Они вовек будут благодарны, – пояснил глава рода.

– Они же при первой возможности сбегут?

– Не сбегут, – отрицательно покачал головой дед. – Бери семейных. Разреши им взять с собой жён и детей. Вот увидишь, не сбегут, а будут по гроб жизни благодарны. Ясно?

– Да, – подтвердил наследник. – Ясно.

Дальше я слушать не стал, попросту убежав к себе в комнату, стараясь издавать как можно меньше звуков на скрипучей лестнице. Захлопнул дверь и прямо так, не раздеваясь, повалился на кровать.

О какой ферме они говорили – я знал. Несколько месяцев назад семья наших слуг была убита. И произошло это как раз в тайге. В Сибири. В живых не осталось никого.

Урожай мха, из которого варят отвары целители, украден. Ферма же отошла роду. Других наследников у семьи слуг не осталось. Вот её-то мне и отдают на прокорм. От отца денег ждать – тухлое дело.

– Спасибо, дед, – прошептал я и заснул, ворочаясь с боку на бок. Там, во сне, мама была жива. Мы были счастливы, и никто нам был не нужен. Никакой отец.

Через три дня всё завертелось. Дядя Иван, один из немногих родственников, относившихся ко мне хорошо, обстоя-

тельно рассказал о моей участи и помог собраться. Витька, Петька и Машка, сводные братья и сестра, крутились рядом, но подловить меня так и не смогли. Только буравили злыми взглядами спину, пока мы грузились в кортеж из нескольких машин, что повезли нас в аэропорт.

– Волнуешься? – спросил меня дядя, пока я провожал глазами проносящиеся мимо нас берёзы.

– Немного, – признался я, комкая в руке пакет с едой, который мне вручила сердобольная кухарка.

– Знаешь, я даже тебе завидую, – заговорщически подмигнул мне дядя. – Отправиться в дальнейшее путешествие. Туда, где над тобой не стоит родня. Где ты сам себе хозяин, а вокруг только лес. Тайга... – причмокнул он.

– М-м-м... – не знал я, что сказать, потому промолчал.

– Не забудь прочесть бумаги, которые я тебе вручил, и ничего не бойся. Если будет трудно – звони, – окутал дядя меня заботой.

Даже как-то странно. Он и раньше ко мне хорошо относился, но сейчас уж прямо совсем.

– Спасибо, – отблагодарил я его. Мы как раз подъехали к аэропорту.

Тут уже всюду суетились люди. Самолёт, который отвезёт меня в ближайший город рядом с фермой, охраняли воины нашего рода, пристально наблюдая за измождёнными людьми, одетыми в какие-то лохмотья, их лица были серыми, зернистыми.

– Каторжники, – подтвердил мои мысли дядя.

– А они меня не прибьют? – немного струхнул я.

Выглядели мужики жутковато.

– Нет, – хмыкнул наследник нашего рода. – Я на оставшиеся деньги, выделенные тебе на первое время, нанял отряд из двух десятков бойцов, что будут охранять тебя и твою ферму днём и ночью, в течение года. Вон они, – указал он головой на псов войны, стоящих в сторонке как от каторжан, так и от наших воинов. Все обвешанные оружием, в камуфляже и рядом с гусеничным бронетранспортёром. Впечатление они производили сильное.

– Пойдём, познакомлю, – повёл он меня к ним. – Сергеич! – махнул дядя седому мужику, с короткой стрижкой «ёжик» и пронзительными карими глазами.

– Иван Тимофеевич, – степенно поздоровался тот, подходя к нам и пожимая протянутую руку наследника рода Смирновых.

– Вот тот, о ком я вам говорил, – приобнял меня за плечи дядя. – Ваш наниматель.

Внимательно меня осмотрев, мужик кивнул своим мыслям и поздоровался.

– Зови Сергеичем, как все.

– Семён Андреевич. Можно просто Семён, – по-простецки кивнул я в ответ.

– Ну, давай прощаться, племяш! – крепко прижал меня к груди дядя Иван. – Береги себя. Ты умный парень, спра-

вишься, — подтолкнул он меня к самолёту, развернулся на пятках, сел в машину и уехал, не оборачиваясь.

* * *

Полёт мне не запомнился. Десять часов в воздухе, а потом пересадка на вертолёты, которые и доставили нашу неорганизованную толпу людей в самую глубину чащи леса, туда, где нам предстояло жить и работать.

Вот она, Сибирь.

На полянке, где нас высадили, ничего не было. Пусто. Бревенчатый сруб прошлых хозяев фермы, склады с готовым сырьём, беседка, другие строения — всё это было сожжено ворами. Первое время жить нам предстояло в палатках, потому каторжники, хоть и зная, что могут взять с собой семью, не торопились с этим. Да и не верили они в своё счастье, диковато осматриваясь. Думали, поди, их на опыты купили. С нашими законами и не такое возможно.

— Чего застыли? — проорал Сергеич. — Вы — лопаты в руки и копаем туалет. Вы — устанавливайте палатки. Вы — схватили топоры и за хворостом. Вы — разжигайте костры и кашеварьте, — раздавал команды направо и налево глава моей охраны, пока я стоял с открытым ртом, рассматривая исполкинские дубы, клёны и сосны-великаны.

А дышалось-то, как дышалось! Воздух сладкий-сладкий. Все задвигались. Спohватился и я, начав разбирать свои

вещи, сваленные рядом. Установил палатку около пруда, там же, где разбил свой лагерь отряд Сергеича, и начал заносить чемоданы. Охрана посматривала одобрительно. Видимо, думали, что тринадцатилетний шкет всё скинет на них.

Разложил внутри спальник, походный стол, стулья к нему и вышел посмотреть, как справляются другие.

Дело спорилось. Каторжники разожгли костры и активно кашеварили. Гора хвороста росла. Три огромные армейские палатки на пятьдесят человек каждая – установлены. Бэтэр наворачивает круги вокруг лагеря, вертя своей башенкой. Люди при деле, я был доволен.

Бр-бр-бр – задребезжал бензиновый генератор.

В эту часть леса снова пришли люди.

– Семён, – обратился ко мне Сергеич. – Хотел попросить тебя пока не подходить близко к бывшим каторжанам. Они ещё не осознали, что жизнь изменилась, и могут наделать глупостей. Хорошо? – участливо спросил он.

– Конечно. Я тогда с бумагами разберусь, не всё ещё изучил, – ушёл я под тент и принялся за работу.

Может, кто посторонний и удивится, что меня, мальчишку, по сути, не побоялись отправить одного в тайгу да дали в придачу своё дело, но тут всё просто. Я умный. И это не хвастовство, выкладывал я учебники за первый курс университета по специальности ботаника на стол. В свои невеликие тринадцать лет я экстерном сдал экзамены за одиннадцатый класс. А так как несовершеннолетних, не важно, насколько

ты умён – в университет не берут, то осваивать его программу решил самостоятельно.

– Ну, что тут у нас? – открыл я папку, переданную мне дядей, и вчитался в текст.

Через два часа, потирая уставшие глаза, я подвёл итог. Семья Зориных, служившая нам и владевшая этим куском леса до меня, звёзд с неба не хватала. Мох, который они выращивали на продажу, доход приносил хоть и стабильный, но не такой и большой. Минус налог императору, минус налог в казну рода, минус зарплаты работников, другие расходы, и в итоге на руки получается всего три-пять миллионов рублей чистыми в год.

– М-да, негусто... Надо поднимать урожай, – отбросил я бумаги в сторону.

Даже с учётом того, что мне как бы и не надо платить каторжанам и я могу сэкономить, дядя в своих бумагах категорически не рекомендовал этого делать. Понятно почему.

Ну а если учесть, что отряд Сергеича обошелся мне во все пять миллионов за год, то дело принимает нежелательный оборот. Как быть, когда их контракт закончится? Да, может, к тому времени каторжники и перестанут смотреть на всех волком и не зарежут меня ночью, но остаётся ещё и другая опасность. Тати, убившие прежних владельцев и укравшие весь урожай, так и не пойманы.

– Задача, – пробормотал я, – и мне нужно её решить, – резко пододвинул я к себе чистый лист бумаги, начав выпи-

сывать на него свои планы на ближайшее будущее.

Глава 2

– Перловка? – неприятно удивился я.

– Да, – улыбнулся Сергеич. – Её у нас на год, как и консервы. Рыбные, – вскрыл он банку кильки в томатном соусе.

Я скривился. Питаться целый год одной кашей и консервами...

– Твой дядька вкратце ввёл меня в курс дела, и я так понимаю – денег на разносолы у тебя нет? – утвердительно закончил он, с аппетитом откусывая голову склизкой рыбине.

Ещё и облизался.

– Нет, – подтвердил я его выводы хмуро.

– Ничего, Семён, не вешай нос, – подмигнул он мне. – Охота, рыбалка. Не пропадём.

– Главное егерям не попасться, – встрял в разговор мужик из отряда Сергеича. – Не то...

– Это да, – покивал головой ещё один боец, с каской на голове. Водитель БТР.

– Может, познакомимся? – осмотрел я народ за костром, у которого мы сидели. – Я, как вы, наверно, уже знаете, Семён Андреевич из рода Смирновых. А если точнее, то сын третьего сына князя Тимофея Митрофановича Смирнова. Тринадцать лет. Холост, – пошутил я, чем вызвал несколько улыбок вояк. – Отправлен сюда с глаз долой из сердца вон, так как не оправдал надежд папки и родился слабосилком, в от-

личие от других его детей, уже достигших, как и положено потомственным, первой ступени. К совершеннолетию получают вторую.

– А ты на какой? – с любопытством спросил меня самый молодой парнишка в отряде. Рыжий и конопатый. Звали его Борис.

– Нулевой, – с усилием вытолкнул я из себя слова.

Никто не засмеялся.

Вообще в мире всего пять ступеней, не считая нулевой, которую, при должном усердии, может взять любой. Первая – *начало*. Вторая – *путь*. Третья – *постижение*. Четвёртая – *дух*. И пятая – *просветление*.

Звучит это так: *начиная свой путь, я постигаю дух, чтобы достичь просветления*.

– Как по мне, так это неплохо, – недоумевал Борька, не понимая, чем это я недоволен. Видимо, не имел раньше дел со старыми, могучими родами.

Хрясь! – дал ему подзатыльник Сергеич.

– Ай! Больно! – обиженно потирал голову рыжий. – За что?

– Болтаешь много, – хмыкнул тёртый калач в каске, сидящий с ним рядом.

– Потомственные, благодаря многолетней селекции в своих рядах, сразу рождаются нулевыми, – начал пояснять прописные истины Сергеич. – Они легко берут первую и вторую ступени. Когда как мы, – обвёл он рукой свой отряд, – про-

столюдины, должны пахать для этого словно волю, – вбивал он знания рыжему в голову. – Я так понимаю, Семён, ты свою ступень выгрыз сам, а не получил от череды предков?

– Да, – удивился я догадливости Сергеича.

– Понял, Борька? – показал он ему кулак.

– Понял, понял, – пробурчал двадцатилетний парень, в ответ показав командиру язык, правда тот в этот момент отвлёкся на шум среди каторжан, делящих еду, и не увидел этого.

Я тоже отвлёкся, наблюдая за дракой из-за лишнего куска хлеба. Потрепала же мужиков жизнь, впрочем, они не ангелы, дал я себе втык. Поделом.

На рудники ссылают не за мелкие кражи в магазине, а за серьёзные правонарушения. Тут половина маньяки, рэкетиры и убийцы, за редким исключением.

– БАСТА! – прекратил балаган Сергеич, выстрелив несколько раз из автомата в воздух.

Как всё успокоилось, мы продолжили знакомство.

– Как ты уже знаешь, я Сергеич. Командир наёмного отряда «Мангуст». Слева от меня сидит Степан. Справа Жук. Михаил Жук. Василь, Петро, Дмитрий... – перечислял он имена своих людей, давая краткую характеристику. – Ну а это рыжее неразумное дитё – Борька. Мой младшенький.

То-то мне показалось, что они похожи, кивнул я, давая понять, что уразумел.

– Семейный подряд, – мягко улыбнулся я.

– Если бы, – сурово нахмурился Сергеич, а Борис сжался, словно ждал удара. – Вылетел из офицерской школы при училище имени Первого императора Николая. У-у-у, дурень! – Вновь замахнулся он, но доводить руку до конца не стал.

– Бывает, – сказал я, чтобы хоть что-то сказать, и сразу перевёл тему. – Не поможете брошюры раздать? – указал я головой на стопку бумаги рядом с собой. – Пусть каторжники матчасть учат. Как ухаживать за мхом, удобрять, лечить, собирать и всё такое, – неопределённо покрутил я рукой в воздухе.

– Конечно. Можешь на нас положиться, – взяли они и себе по экземпляру. – Самим интересно.

– Ну и славно, – заработал я ложкой, бренча по железной миске и исподтишка рассматривая народ вокруг.

Весь оставшийся день мы обустроивались и налаживали взаимоотношения. Притирались... Пришлось охране прострелить ногу при попытке к бегству одному из каторжан. Далеко он не ушёл. Дурак, видимо, забыл, что при посадке на самолёт им надели браслеты с маячками слежения, снять которые не так-то просто. Да и куда бы он утикал, скажите мне? На тысячи километров вокруг один лес. Эх, натура человеческая! Не понимаем мы добро, зато зло таим всю свою жизнь.

Лёжа в спальном мешке и наблюдая за звёздами через полупрозрачный тент палатки, я впервые за последнее время

не боялся заснуть и не проснуться, ходили рядом часовые, сторожа мой сон.

Жизнь-то налаживается, да?

* * *

– Я слышала, – подняла бокал с красным, как кровь, вином дама с длинной, золотистой косой до самых пят, – что вы берётесь за любые дела. Это так? – Вглядывалась она в вино, не поднимая взгляд на собеседника.

– Всё верно, Людмила Ильинична.

– Без имён! – резко прервала она мужика в шрамах напротив, резанув по нему взглядом, словно ножом.

Не повезло же связаться с этой сумасшедшей, с репутацией, от которой стыла кровь в жилах, подумал наёмник, стараясь не смотреть в её змеиные глаза.

Официант же, подошедший к столу, вообще убежал, скрывшись на кухне ресторана.

– Всё верно, – повторил он, поклонившись в извинениях.

– Это задаток, – выложила она на стол чек на крупную сумму. – Вам со своим отрядом надлежит отправиться в Сибирь.



– Ух, – вытер я пот со лба. – Вышли.

Я убрал компас за шиворот, счастливо улыбаясь.

– Теперь можешь ходить в лес сам. Не заплутаешь, – пробурчал сзади Сергеич, всю последнюю неделю учивший меня науке ходить по компасу. Бурчал же он из-за гнуса, на который не действовали все эти новомодные мази, судя по этикетке убивающие всех жуков на свете, кроме тараканов. Те непобедимы.

– Да. Спасибо тебе за науку, – кивнул я и с хлопком прибил противно пищущего под ухом комара.

– Да чего там, – отмахнулся он, внимательно осматривая наш лагерь и не найдя, к чему бы придраться, отправился на кухню.

Углядевший нас повар из каторжников судорожно заработал челюстями, пытаясь прожевать уворованный огурец и не подавиться. Попадёт ему, цокнул я языком, после чего подошел к пруду и под завистливыми взглядами охраны скинул одежду, оставшись в одних плавках. Подумал, а потом решительно, с разбегу – прыгнул в воду.

– Йу-ху-ху! Хорошо-то как, – восхитился я. Полетели брызги во все стороны, пока я нырял, смывая с себя пот и грязь, после чего вышел на берег и решил постираться.

Ветерок приятно обдувал кожу.

– Везёт, – ревниво протянул Борька, пройдя мимо.

Так как он на охране, купаться, пока его смена не закончится, нельзя. А хочется. Жара стояла за тридцать. Печёт нещадно, не позавидовал я ему, ходившему по лагерю в разгрузке и с тяжеленным пулемётом в руках. По-видимому, снова провинился перед отцом.

Развесив мокрую одежду на верёвке, я ушел в палатку, в тенёк, почитать и подумать.

Первые дни в Сибири выдались не из лёгких. Дел не разгрести. Мох растёт плохо. Каторжники отлынивают, как могут, не понимая, что их хорошая работа – это залог будущего благополучия. Денег нет. Эх-х-х...

В придачу ко всему было ещё несколько попыток побега и нападения. Неудачных – расстрелял Сергеич зачинщиков перед строем заключённых.

Я впервые увидел смерть так близко. Пробрало до печёнок.

Хорошо хоть они, каторжники, были из тех, кого даже семья боится, не пожелали родные отправляться за ними в Сибирь.

Дз-з-з-з – зажужжал у меня в кармане спутниковый телефон.

Посмотрев на экран, я взял трубку.

– Алло? Дядька Иван? – Вслушивался я в шипение.

– А кто же ещё, Семён? – удивился он. – Я это, я.

– Рад вас слышать, – был я и вправду рад.

– Ну как там у тебя? Рассказывай, – потребовал он.

Ну, я и рассказал, умолчав о многом. Он и так сильно мне помог. Подозреваю, и отряд «мангустов» нанят не на деньги, которые мне якобы выделили от щедрот, а на его личные сбережения.

– Справляешься, выходит? – с сомнением в голосе спросил он. – Помощь, может, какая нужна? Ты только скажи, – ждал он ответ. – Нужна?

Пришлось придушить свою жабу.

– Не, не, дядь Иван. Всё в порядке. Как урожай осенью соберу, всё наладится. Начну строительство. Поставлю бараки, склады. Расширю уголья, – размечтался я, забалтывая его.

– Добро, – пожелал он с улыбкой в голосе. – Ты уж не забывай. Звони, – замолчал дядя, словно желая сказать что-то ещё, тяжело выдохнул и повесил трубку, оставив меня в недоумении.

* * *

– Повздыхай ещё мне! – грозно посмотрел на сына дед, закулив трубку и прищурившись. – Чуть всё дело не испоганил!

– Да какое к чёрту дело?! – упал в кресло рядом со столом Иван, растёкшись там как амёба. – Стоило ему сказать... – не обращаясь ни к кому конкретно, тихо шепнул наследник.

– Мы не можем защищать парня всю его сознательную

жизнь. Он должен научиться постоять за себя сам. Сам! Понимаешь?

– Ему всего тринадцать! – вспыхнул Иван.

– Уже тринадцать! – выделил слово *уже* дед. – Да и наёмников ты нашёл неплохих. Обучат мальчонку, меценат ты наш, – скривился князь, не одобряющий таких трат. – Оставь меня, – пожелал побыть в одиночестве древний старик.

– И как мы до такого дошли? – пробурчал Иван, покидая кабинет отца и покачивая головой.

Он так и не сознался ему, что договорился с нанятым Людмилой отрядом убийц об отсрочке их нападения на племянника до осени. И не сознается.

Глава 3

Выноска из учебника истории Российской империи с древних времён и до наших дней

Никто уже точно не скажет, когда на тогдашней Руси объявились кудесники, способные творить настоящие чудеса. Может, это был двенадцатый век, может тринадцатый. Мы не знаем... Известно лишь, что первые задокументированные случаи использования силы средоточия произошли на нашей родине в пятнадцатом веке. На сто лет позже, чем в Китае, Персии, Гималаях и Африке. С тех самых пор князья, бояре и именитые купцы стали искать по земле-матушке таких людей и вводить в свой род, семью, на века вперёд узурпировав право владеть чудесами. С тех пор прошло много лет...

Наши дни. Город Смоленск.

Урок ОБЖ в двадцать восьмой школе.

Седьмой «Б» класс

– Итак, ребята. Готовы к устному тесту? – спросил детей старый, прихрамывающий на обе ноги ветеран. Вместо руки у него был протез, с крюком на конце, любил он попугать им мальцов, чтобы учились лучше, но не злобно, а так...

К своим увечьям он относился с юморком.

– Да-а-а! – хором ответили они.

– Ну что ж... – обвёл он их взглядом. – Первый вопрос такой: кто победит в противостоянии между двумя странами, если на одной стороне имеется отряд из десяти танков, тридцати машин залпового огня «Град» и два истребителя последнего поколения с ротой солдат, а на другой есть лишь бэтээр, пулемёт «максим» и молодой княжич, достигший ступени просветления? Ну? Кто ответит? Смирнов!

Из-за парты поднялся нескладный мальчишка, переминаясь с ноги на ногу.

– Э-э-э... Ну-у-у... – мямлил он. – Наверное, танки? – Смотрел он в пол, пытаюсь найти там ответ.

– Садись, два!

* * *

Шла третья неделя июня, как тень, расхаживал я в смешанном лесу меж берёз, дубов, сосен, клёнов и елей, на которых и рос урожай мха, привитого к ним. Совсем как лишайник, а не полезнейшее средство в современной России во врачевании ран. Я провёл по нему рукой и пошел дальше.

Чем больше я времени провожу здесь, в Сибири, тем больше мне тут нравится. Обошел я муравейник выше меня ростом, подойдя к берёзке, на которой углядел полезный нарост. Гриб чага.

– Хех, – замахнулся я и одним ударом срубил его, убрав в рюкзачок за спиной. Будет чем заменить надоевший чай

«Принцесса Рита».

Прыснул средством от тли на подъеденный мох, росший на соседнем дереве, и продолжил путь, осматривая свои владения хозяйским взглядом.

Переполз бурелом, спугнул белку, помог перебраться через корягу ёжику и вышел к месту, которое вчера нашёл. Огляделся, проверяя, нет ли кого поблизости, облизнул пересохшие от волнения губы и подошел ближе.

– Ну, Зорины, вы и начудили! – неверяще покачал я головой, поступая так же, как и они, скрывая находку от глаз императора. Ведь, согласно указу от 1881 года, все ключи силы принадлежат ему. А это явно ключ, хоть и не типичный: росла передо мной абсолютно чёрная ель, чуждая этому лесу.

– Да чего уж теперь, – уселся я на лапник у её подножия, оперевшись спиной на необъятный ствол, и стал медитировать, прогоняя силу через средоточие.

Жаль, ключи очень редки и не вечны, на глаз определил я, что этот иссякнет недели через две, вернув ёлке её нормальный цвет и подтолкнув меня на ступень, а может, две выше. Не зря император следит за местами, в которых они периодически просыпаются, зорким соколом... Бережёт пушце золота и камней.

Если же кто узнает, что я натворил, – мне конец, унял я дрожь, продолжая прокачивать силу и отгоняя невесёлые мысли прочь.

Мне показалось, что прошёл час, от силы два, но стоило

открыть глаза, как с моей головы взлетела мелкая пичуга, возмущаясь, что валун, который она присмотрела для птенцов, начав вить на нём гнездо, и не валун вовсе! Потерял я счёт времени, промедитировав кряду шесть часов.

– Ух! – разогнулся я с усилием, потянувшись до хруста позвонков. – Класс, – смахнул ветки с головы, почесал затылок, закинул на спину рюкзак и, сверяясь с компасом, побежал в лагерь. Не дай боги, мужики отправились меня искать, торопился я как мог.

Это место должно остаться тайной. Тайной, которая умрёт вместе со мной.

О том же, что на моих землях может появиться и другой ключ, раз уж один проклюнулся, я тогда и не подумал. Молодой был, глупый.

* * *

Тук-тук-тук!

Ко мне в палатку заглянул Сергеич.

– Чем занят, Семён? Всё нормально? – осматривал он меня, словно доктор больного.

– Да. А что такое? – удивился я его подозрениям. Неужто прокололся где? Дык вроде не на чем.

– Ты последнее время какой-то взбудораженный. Глаза шальные, вечно витаешь в облаках, – испытующе вглядывался он в моё лицо.

– М-м-м, – промычал я, решая, что делать. Говорить, не говорить? Надо решаться.

Помолчали. Я хорошенько подумал и сказал:

– Я наконец достиг первой ступени! – постарался не скривиться я от такого откровенного вранья.

Ель снова зазеленела, а моё средоточие скакнуло до второй ступени. Я был на седьмом небе от счастья, не забывая, впрочем, что о таком нужно молчать в тряпочку, иначе окажусь на каторге за свои делишки.

Точнее молчать нужно о том, что я достиг второй ступени. Первая в моём возрасте это нормально, хоть я и был слабосилком всю жизнь, но чудеса случаются. Тут не подкопаться.

– Вот, формы учу, – показал я ему обложку книги, которую читал. Озаглавлена она была так: *«Удивительные формы начальной ступени. Седьмое издание под редакцией князя Романа Мстиславского»*.

На столе помимо этого лежала книга, написанная на человеческой коже – кровью, судя по виду. Не успел убрать. *«Ужас, эхо и многоликие тени бояр Чернозубовых»*. Спёр из дома по okazji.

Может, не заметит, скрестил я пальцы наудачу?

– Вот те на! – не на шутку удивился Сергеич. – Поздравляю, Семён! Поздравляю! – экспрессивно затряс он мою руку. – Вот те! – неверяще качал он головой.

– Спасибо, – скромно поблагодарил я его, лыбясь как иди-

от.

Хороший он всё-таки мужик.

– Думаю, теперь мох этот на деревьях в рост как не бывало пойдёт? Да? – подмигнул он мне с хитрецей в глазах.

Заметил-таки, только не то, чего я боялся.

«*Дары природы I ступени*». Мои бы родственнички только у виска пальцем повертели да сказали, что я дурак, раз разучиваю форму для крестьян, но какое мне до них дело? Благодаря этой форме, я подниму своё хозяйство, заработаю денег и к совершеннолетию стану полностью независимым от родни. Свой кусок земли – есть. Ферма какая-никакая, но приносящая доход – есть. Осталось только нанять полноценную дружину.

– Ты прав. Не зря я корячился с пяти лет, медитируя по восемь часов в сутки, – не соврал я ни на грамм. – Ты только это, попроси мужиков не молоть языком. Хорошо? Не хочу, чтобы о том, что я теперь первостепенчатый, болтали раньше времени. Вот заучу нужные формы, сдам экзамен официально – и тогда ладно.

– У меня в отряде говорливых нет. Не волнуйся, – смекнул он, что я назвал ему не все причины, из-за которых нужно утаивать эту информацию. Тёртый калач.

Ведь как обычно бывает? Стоит кому из рода взять очередную ступень – трубят об этом на всех углах. Чем сильнее каждый член рода, тем он влиятельней. Тем громче будет звучать фамилия Смирновых. Не принято среди нас скры-

вать такое, ушёл доносить радостную весть среди своих Сергеич, а я продолжил всматриваться в трёхмерное изображение в книге. Форма «даров природы» не так проста, как кажется на первый взгляд.

Я, конечно, даже не имея возможности творить, запомнил их немало в своё время, но без каждодневной практики выветрились они из головы изрядно. Вот и навёрстываю теперь, вглядываясь в рисунок – кляксу, которую надо в точности представить перед глазами, чтобы она сработала. Узелки, ответвления, развилки, утолщения. Всё это важно, иначе вместо бурного роста растений и огромного урожая получу гниющий на глазах мох или подожгу сам себя, к чертям собачьим.

В глазах уже мутнело, прикрыл я их на миг, потеряв, и продолжил штудировать учебник. Есть такое слово – надо.

К следующему дню голова пухла от знаний, а руки чесались, так хотелось опробовать свою первую форму в деле. Правда, сейчас многие вместо форма говорят заклятье на европейский манер, ну да это не важно. От перемены слов...

– Можно с тобой? – спросил подсевший ко мне за завтраком Борька. Остальным тоже было интересно, но они сдержались. За каторжниками нужен глаз да глаз – уже подготовил для меня Сергеич список тех, кто не пригоден ни к какой работе и желает лишь вцепиться в глотку и удрать восвояси. Придётся продать таких людишек обратно на каторгу. А если не получится – расстрелять. Ведь я несु за них личную

ответственность.

С ними вообще интересно. По законам – я их владелец, но даровать им вольную, простить, сделать слугами не могу. Они навечно останутся каторжанами, без всяких прав. Лишь император может что-то изменить в их случае, но где они и где он?

– Пошли, – долизал я тарелку и отдал нашему повару, бывшему раньше шефом в элитном ресторане. Из-за недомотра отравил важного человека и был обречён добывать уран в шахтах. Вот кому реально не повезло.

Остальные проводили нас завистливыми взглядами.

– Ты чего не идешь, а подпрыгиваешь? Не видел, что ли, раньше кудесников? – не мог я понять настроение рыжего парня.

То, что с моего лица тоже не сходила улыбка, ничего не значит.

– Не, – отмахнулся он. – Рад просто, что отец забыл меня наказать за пролитый вчера чугунок с супом, – простодушно сознался он.

– Так это из-за тебя мы ели подгорелую кашу не первой свежести?! – повысил я голос.

– Э-э... Ну... Извини, – совсем скис он. – Не специально я.

Теперь я понимаю, почему его турнули из училища. Такого простодушного и неуклюжего парня ещё поискать.

– Забыли, – простил я его. Не привык я держать зло за па-

зухой. Да и настроение у меня хорошее сегодня. – Пришли, – дошли мы до первого дерева с нужным нам мхом. – Стой здесь. Ближе не подходи, – очертил я невидимую линию.

Он кивнул, внимательно осматриваясь по сторонам. Чем-то отец его всё-таки научил. Так просто к нам не подберешься, стал я медленно вспоминать символ из книги, вычерчивая его чёточка за чёточкой, пока не уверился, что сделал всё правильно. По лбу тёк пот, протянул я щуп из своего средоточия к воображаемому знаку, и он словно вздохнул.

– Опа! – Не сдержал возгласа Борис, когда передо мной засветился шар зелёного цвета, неподвижно висящий в воздухе.

Толчок рукой, и он плавно поплыл ко мху, коснулся его, ВСПЫШКА – и ничего. Как и должно быть. Первая ступень не такая могущественная, чтобы видеть результат немедленно.

– Пошли дальше, – позвал я рыжего, после тщательного осмотра и обнюхивания плодов своей работы. – У нас на сегодня много работы, – планировал я обойти не менее трети своей плантации.

Первый шаг сделан.

Глава 4

– Бугор! – боязливо звал своего атамана Сиплый, трясясь от страха. – Бугор, ты спишь? Может, мне попозже зайти? – Не смел он заглянуть в шалаш главаря их шайки бандитов, не так давно сбежавших из колонии сверхстрогого режима.

Они уже пять месяцев скрывались от преследователей, убивая нерасторопных вояк и завладевая их оружием, а власти об этом умалчивали, стыдливо называя это «защитой населения от паники».

Всё как всегда.

На данный момент банда из десяти человек имела в своём арсенале автоматы, пистолеты, одну снайперскую винтовку и гранатомет, неведь откуда завалившийся у старосты пожжённой позавчера деревушки Княжпогост.

Бугор вообще зверь, пуще прежнего задрожал Сиплый, почуяв движение в темноте шалаша. Не угодишь ему и... сгоришь заживо, любил он обливать бензином пойманных людишек, наблюдая, как те корчатся в агонии, тянут руки, прося помощи, и страшно кричат.

Псих, чокнутый, однозначно вынес вердикт трусливый зэк.

– Чего тебе? – недовольно выглянул из шалаша косматый мужик, с глазами, смотрящими в разные стороны. Вроде смешно, но смеяться не тянуло.

– На той ферме, где мы взяли большой урожай мха, объявились новые хозяева. Можно пощипать, – торопливо зачастил Сиплый, желая угодить боссу.

Бугор задумался, почесал пузо, сплюнул, а потом выдал:

– Нет. Сейчас с них взять нечего. Подождём. Как урожай по осени соберут, так и нагреем, – решил он. Подхватил автомат и пошел проверять посты. Не дай боже, подберётся к часовым не замеченным, быть тебе головешкой. В назидание остальным.

* * *

– Подлетают, – указал я пальцем на вертолёт в облаках, стоя рядом с кучей мешков, полных высушенного и упакованного по всем правилам мха.

Учебники не ввали. Форма «*дары природы*» подстегнула рост урожая в пять раз, срезали мы мох, поместили в сушилки и сейчас ждём покупателя, прошлого закупщика семьи Зориных, чей телефон я нашёл в ворохе бумаг.

– Садятся, – кивнул Сергеич Жуку, и тот со своей пятёркой бойцов пошёл отгонять каторжан, больно близко подошедших к импровизированной вертолётной площадке.

Фиу-фиу-фиу – мягко сел на землю грузовой Ми-8.

– Чёрт!

Ветер, нагоняемый винтом, унес панамку с головы Бориса, на что его отец лишь закатил глаза.

– Приветствую, – встречал я управляющего торгового дома «Заря» из близлежащего к нам города – Сибирска. – Как долетели?

– Спасибо. Всё хорошо, – поздоровался со мной как с взрослым Геннадий Аркадьевич, успели мы уже заочно познакомиться по телефону, когда договаривались о его приезде и ценах. – Это он? – Кивнул он на тюки, сразу перейдя к делу.

– Да, – приглашающе повёл я рукой.

Он всё понял правильно и отдал команду мужичкам за спиной, те стали споро вскрывать мешки, проверяя качество товара. Если всё нормально, то они подтаскивали их к управляющему, который взвешивал мешки на притащенных с собой весах и записывал полученные данные в блокнотик. Через два часа мы подвели итог.

– Двести тридцать два килограмма отборного мха. По нашей договорённости – это сто тысяч рублей за кило. Итого: двадцать три миллиона, двести тысяч рублей. Всё правильно? – поправил он круглые очки на глазах, посмотрев на меня в упор.

– Да, – не мог я поверить в услышанное, хотя и предполагал, что так будет.

– Тогда секунду, проведём расчёт, – закопался он в планшете, и через минуту на номер моего спутникового телефона пришло сообщение о зачислении средств. Я едва не запрыгал от счастья. Еле сдержался.

– Может, останетесь на чай? – гостеприимно пригласил я его к костру, на что он только усмехнулся.

– В другой раз, молодой человек. В другой раз.

Мужики быстро утащили под его присмотром мешки на вертушку и улетели, помахав нам ручками на прощание.

– Я богач, – всматривался я в цифры на телефоне. – БО-ГАЧ! – отмахнулся я от воспоминаний о своём счёте на бирже ценных бумаг. Там спекуляции, а здесь честный труд. Со всем разные вещи.

– Эти деньги тебе не за красивые глазки достались, – напомнил мне Сергеич о последних двух неделях, и он был прав.

Путём практики я выяснил, что за три дня вполне могу обработать магической формой все свои угодья, только вот физических и психических сил на это никак не хватало – я валился с ног через несколько часов тяжёлого, изматывающего умственного труда.

Проблема решалась просто, сколотили мы из подгоревших досок бывшей усадьбы Зориных носилки, в которых меня и таскали от дерева к дереву, словно падишаха. И так от заката до рассвета. Падали к концу дня носильщики и я от усталости. Сил не было даже ложку поднять, куда уж тут мыться или постираться, прилично воняло от нас на округу. Бессилие было страшное. Хотелось лечь спать и не просыпаться неделю. Но нет, терпел я, сжав зубы, и не прогадал.

– Оно того стоило.

– И не поспоришь, – был удивлён итоговой суммой не меньше меня Сергеич.

И ведь это всего за две недели! По приблизительным подсчётам, если не сбавлять темп, то до середины сентября, до холодов, мы сможем снять ещё пять-шесть урожаев. А это ни много ни мало под сто пятьдесят миллионов, плюс уже полученные.

Дела-то налаживаются, да? Охохохушки-хохо.

– Ладно, – убрал я телефон в карман брюк. – Сегодня отдыхаем, а завтра вновь за работу, – позволил я немного отдохнуть людям, вкалывающим не меньше моего.

– Что будешь делать с такими деньжищами? – не удержался от вопроса Борис, слышавший весь разговор, так как был поблизости. Глаза у него алчно блеснули, но я этого не заметил.

Ответ же у меня был давно готов.

– Первым делом закажу доставку сюда уже сухого леса. Кругляка или бруса. В Сибири он дешёвый.

– Зачем это?

– Будем строиться. Дома нужны, – пояснил я. – Куплю доски, гвозди, инструмент и всё остальное. Зима придёт – не успеем и оглянуться, а у нас ничего не готово. Так что поспешим.

– А строить кто будет?

– У нас что – народа мало? – удивился я его непонятливости. – Каторжники вполне подойдут. Приставлю к ним пару

прорабов, контролировать ход стройки, и дело пойдёт на лад.

– А план? Архитектор нужен, – не мог успокоиться Боря, докапываясь до каждой мелочи.

– Я уже купил нужные чертежи простых и добротных одноэтажных домиков. К сентябрю поставим.

– А фундамент?

– На металлические сваи поставим. На капитальный, бетонный, времени нет.

– Неплохо придумано, – похвалил меня Сергеич, одобрительно кивая и затыкая разошедшегося Бориса, вновь открывшего рот.

– Лишь бы денег хватило, – озабоченно подсчитывал я расходы в уме. Ведь дома – это не основное. Нужна кочегарка, дизель-генераторы для света, скважина, очистная установка, канализация. Дел стало ещё больше. Большие деньги – большие проблемы. Эх-эх-эх...

Так и потекли дальнейшие дни, все в заботах и тревогах.

Разделили каторжников на бригады по тридцать человек и за работу. Одна бригада ходила по лесу и опрыскивала, ухаживала за мхом. Одна занималась хозяйственными делами – готовкой, стиркой, заготовкой дров и уборкой выгребных ям. Оставшиеся три бригады были переданы под управление прорабов, прилетевших вместе с моими покупками, застучали мужики топорами, проклиная про себя хозяина. Меня то есть.

Тех каторжников, что были признаны Сергеичем небла-

гонаждёжными, пришлось расстрелять. Мочи не было терпеть их постоянные нападки, попытки удрать и убить мужиков из отряда «Мангуст».

Безымянных могил на кладбище у края леса прибавилось.

Прошёл июль, нанял я в помощь прорабам несколько строительных артелей. Был построен огромный ангар, в котором установили дизели, котлы и станцию очистки от нечистот. Пробурили несколько скважин под воду. Протянули трубы.

Самые работающие из каторжников первыми получили свои домики и уже связались с родственниками – жёнами и детьми, зазывая их к себе. Ну а я всё так же разъезжал по лесу на своём паланкине, не замечая, как перед глазами проносятся дни и недели, складываясь в месяцы.

Времени учить новые формы не было. Все силы были брошены на зарабатывание денег. Ничего... Зима близко. Тогда этим и займусь, думал я, подбадривая сам себя. Тогда и отдохну.

– Лови! – подхватили меня чьи-то руки, и я отключился.

– Проснулся? – У моего изголовья сидел Сергеич.

Я разлепил глаза, чуть приподнялся на подрагивающих руках и осмотрелся.

Светлая комната с тюлевыми занавесками на окнах, одиноким кактусом на подоконнике и с кроватью. Не узнать это место было невозможно. Я в одном из построенных домов, который временно занял вместе с Борисом и Жуком, охра-

няющими мой покой.

– Что случилось? – спросил я заплетающимся языком. Руки не выдержали, и я вновь прилёг на кровать.

– Ты упал в обморок и чуть не свалился с носилок, успели тебя подхватить. Второй день пошел, как отлеживаешься. Думали уже доктора выписывать, тут ты и очнулся.

Отворилась дверь, и в комнату вошёл Борька, держа в руках поднос с полной тарелкой одуряюще пахнущего куриного бульона, поставил мне его на колени, зачерпнул полную ложку, только я и успел сказать:

– А-а-а...

Неприятно, когда тебя как грудничка кормят, но ничего не поделаешь. Сам виноват. Перетрудился. Я сейчас и комара не убью, куда уж ложку поднять?

Эх, стыдоба-то какая.

– Какой хоть сегодня день? – спросил я сконфуженно между приёмами пищи.

– Четырнадцатое сентября. Мужики срезают урожай. Завтра прилетит Геннадий Аркадьевич. А ты лежи! – придержал он меня, попытавшегося встать. – Без тебя справимся, – пообещал он. – Отдыхай лучше.

– Спасибо, – успел сказать я, до того как заснул с ложкой во рту.

Самостоятельно встать и пройти я смог только через три дня. Ходил и дивился. Фундамент под будущую усадьбу залит и ждёт своего часа. Домики для каторжан – построены.

Сараи – стоят. Тепло в батареях – есть. Свет – проведён.

Канализация – работает. Площадка для вертолётa и та отстроена.

– Вот те на! – не удержался я от восклицания, не веря своим глазам.

И после всего этого на счету в банке оставалось ещё сто миллионов, первым делом проверил я свои финансы с утра.

– Буржуй! – упрекнул сам себя, усмехнувшись.

На ферме появились новые лица, раскланивались со мной женщины, гуляющие между домами. Сделал зарубку себе в памяти – выделить каждому каторжнику определенную сумму. Заслужили.

Ну и пора думать, куда потратить честно заработанные бумажки и чем занять народ. Не сидеть же им без дела всю зиму? Так?

– Теплицы, что ли, поставить? Курятников настроить? Пасеку установить? Кроличью ферму? – перечислял я вслух проходящие на ум идеи. – Да, так и сделаю, – решил я не размениваться на мелочи и воплотить все пришедшие в голову мысли. Да поспрашивать, может, кто что дельное предложит.

Одна голова хорошо, а две лучше.

Глава 5

– Витька, Витька, – теребила его за рукав сестра. – Ну что мама сказала? Не молчи! – притопнула ножкой Маша. – Она всё ещё злится, да?

Сестра чуть не плакала, собрались они вместе, чтобы обсудить ситуацию, спрятавшись от учителей на чердаке родового поместья семьи Смирновых.

Брат же Петька меланхолично стоял рядом и спокойно ждал ответ.

– Злится, да ещё как. Сказала, что нас обвёл вокруг пальца грязный подкидыш. Этот подзаборник! – ядовито выплюнул Витек.

– А ничего, что с ним повсюду таскался дядя Иван? Как бы мы смогли столкнуть «братика» с лестницы? – недовольно пробурчал Петька, чувствовавший за собой вину.

– А ты вообще молчи! – шикнула на него злющая как чёрт сестра. – Если бы ты не уронил ту вазу ночью, мы бы спокойно пробрались к нему в комнату и удушили подушкой, как и было задумано изначально.

Дети так и не заметили, что за ними с интересом наблюдает кошка, пробравшаяся на чердак по их пятам и спрятавшаяся в самом пыльном и тёмном углу. Глаза у неё были змеиные.

– Тихо, тихо. Ты это, не куснёшь меня? – мелкими шажками я подходил к пойманному в капкан черному как смоль псу, размером с телёнка. Он внимательно провожал меня взглядом, перестав скулить, стоило мне выглянуть из-за широкого ствола дуба и ступить на полянку.

Его взгляд устремился на мои руки. На лукошко, зажатое в них.

– Грибы это. Не отравя, – показал я ему отборные красно-головики и белые. – Не бойся, малыш, – поставил я корзинку на землю и стал подходить к псу. Тот зарычал, я остановился. Постоял, подумал и сделал ещё шаг. Он снова зарычал, ну а я снова постоял, давая ему время привыкнуть, и добрался-таки до него в конечном итоге за несколько шагов. Тот не переставал злобно рычать, последнюю минуту скаля жёлтые клыки. Из глаз же капали слёзы, обильно кровоточила у него рана, но он терпел и не сводил с меня взгляд.

– Как же ты так, а? – нагнулся я, показав ему затылок. Если и нападёт, то сейчас. Замерли...

Нет, не напал, стал я изучать железную конструкцию, намертво зажевавшую лапу собаки. На крупного зверя агрегат, да ещё и с вкраплениями серебра.

– А если так? – повернул я маленький рычажок на капкане, и тот со звонким щелчком раскрылся, выпустив взвизг-

нувшего пса из своей хватки.

И первое, что он сделал, это попытался утечь, но не смог, тут же повалившись и закувыркавшись кубарем, подломилась у него задняя лапка. Лизнув её, он встал, сделал осторожный прыжок на трёх конечностях и снова упал, завыв.

– Ну и куда ты так рвёшься? – озадаченно спросил я, почесав затылок. – Дай-ка я гляну, – обогнул я его по дуге и недалеко как в тридцати метрах нашёл хозяина собаки. Тот был мёртв. Упал в ловчую яму и насадился на заострённые колья, вбитые в землю.

– Ну, ничего себе! – поправил я на голове шапку. Холодно уже. Осень.

Сзади зашуршало, и я резко, с хрустом, повернулся, приготовившись драться с тем изувером, кто оставляет такие ловушки в лесу. Но нет, это был Шарик, дал я про себя имя собачке, наблюдая, как та ползёт сюда, упираясь мордой в землю и подтягивая себя всё ближе.

– Хозяин твой, да? – спросил я пса, и тот ответил, жалобно проскулив.

Добравшись до края ямы и заглянув в неё, он так взвыл, что у меня кровь в жилах застыла. Сделать я ничего не мог, потому стоял и не знал, как быть. Чем помочь – переминался я с ноги на ногу.

Я покинул страшное место, вернувшись назад по своим следам, чтобы тут же возвратиться с несколькими молодыми деревцами в руках. Спустил их в яму, сооружая лестницу.

– Чип и Дейл спешат на помощь, – пробурчал я, вспомнив мультик об отважных спасателях бурундуках и их подружке, мышке по имени Гайка.

Осторожно, боясь навернуться, я соскользнул вниз.

Рядом с ногой человека лежал шестизарядный карабин. По дну ямы была раскидана брусника. В отличие от меня, мужик собирал ягоды, а не грибы. Крови на земле не было, вся впиталась уже, а вот заострённая палка была в потёках. Под взглядом пса приблизился я к его хозяину и попытался снять того с копья, переборов страх и брезгливость, закапала на меня кровь из огромной раны в животе.

Воняло здесь отвратно. Видать, не первый день лежит.

Нет ничего странного в том, что мне удалось поднять мужика весом под сто кило. Ведь те, кто получил нулевую ступень, сразу поднимаются над простым людом. Формы им не доступны, это да, только вот кое-что они всё-таки получают. А именно: скорость, выносливость, силу и обострение всех шести чувств. На порядок. Человек, достигший нулевой ступени, в три раза сильнее себя прежнего. Мог раньше запросто поднять сто кило? Теперь так же легко будешь поднимать триста. И так во всём.

Почему же население Земли поголовно не имеет эту ступень? Лень. Банальная лень всему виной.

Я понял, что отличаюсь от своих братиков и сестры, довольно в раннем детстве. В пять лет лупили они меня игрушками по голове под взглядом мачехи, а я и сдачи дать не мог,

так как банально был слабее.

Плачущего и размазывающего по лицу сопли меня нашла мама, спрятался я в подвале нашего дома. Отругала, отмыла и начала учить входить в транс, медитировать. Так с пяти лет, всё своё свободное время я тратил, раскошегаривая средоточие. По шесть-десять часов в день минимум, в конечном итоге взял я ступень на своё двенадцатилетие, потратив на это семь лет. Смогли бы вы так? Ведь один пропущенный день – и все многолетние труды по прокачке пойдут насмарку.

Только очень упорные, целеустремлённые люди из простонародья занимаются этим. Таким уникамам открыты много дорог, постарался император помочь им, даровав немало привилегий, при поступлении в школу милиции или на военную службу.

Самым достойным из них будет предложено подписать контракт с войсками специального назначения. Если же они согласятся на вечное служение императору, то их сводят на ключи, поднимутся они на первую, вторую ступень, как и я. Дальше только сами. Халявы не будет. Таким способом выше не подняться, а жаль...

– Ну и кабан у тебя хозяин был, – обратился я к псу, закрывшему глаза лапами, и обвязывая верёвку вокруг пояса мертвеца. Подёргав её, проверяя, не развяжется ли, я выполз из ямы, плюнул на ладони и, поднатужившись, вытащил мужичка.

– Готово, – устало присел я на корточки рядом с ним и стал обыскивать, ударил меня пару раз лапой Шарик, не выпуская, впрочем, когтей. – Извини, но надо узнать, кто он, ты ведь говорить не умеешь?

Шарик подумал и отстал от меня, перестав драться.

– Так... Документов нет. Зажигалка, серебряный портсигар, компас, фотография какой-то женщины, – перечислял я, проверяя его карманы. – Ну а что у нас в рюкзаке? – Я просто срезал лямки и стал в нём копаться, но так ничего и не нашел. Котелок, соль, мини-лопата и другие нужные в походе предметы. Засада. – Ладно, дальше это не моя забота, – отошел я в сторонку и стал рубить ветки и лапник, связывая его. Нужны волокуши, тащить пса. А за мужиком отправлю Сергеича, достал я купленный недавно навигатор и поставил на нём точку, отмечая место.

В лесу троекратно ухнула сова, не мог я вспомнить, к беде ли это или радости. Будем считать, что к счастью.

– Хватит упираться...

Шарик вцепился зубами в молодое деревце, не желая быть уложенным на волокуши. Рычал, скалился, но меня не кусал, как бы я его ни тормозил. Пришлось и его прежнего хозяина на них грузить. Чувствую, дорога назад будет долгой и тяжёлой – взялся я за ручки волокуш и потопал сквозь лес.

– Это что? – застыл в ступоре Сергеич, встречающий меня на опушке.

– Собачка.

– Какая, к черту, собачка? – Не сводил он взгляд с Шарика. – Это етить-колотить ЦЕРБЕР!

– Ха-ха-ха, – рассмеялся я от неожиданности. – Это сказки. Церберов не бывает, – отмахнулся я, утирая слёзы. – Как и деда Мороза, банников, бабы Яги и домовых, – как маленькому объяснял я прописные истины взрослому мужику.

Вот суеверный народ пошёл, подозрительно посмотрел я на Сергеича, поглаживающего пистолет в кобуре. Разве можно перепутать просто большую собаку с цербером, скажите мне? Ну и в дремучем же лесу рос наёмник, раз верит в подобную чушь.

Улыбаться я перестал.

– А это кто? – закатил он глаза, не в силах меня переубедить. – Иногда я забываю, что тебе всего тринадцать, – добавил он осуждающе.

Вот неймётся человеку. Из староверов, что ль? В этот момент к нам подоспели остальные наёмники, рассредоточившиеся вокруг и посматривающие на труп с вопросом в глазах.

– Бывший хозяин Шарика. Нашел в ловчей яме, недалеко

от капкана, в который попал пёсик.

— Кто ж это у нас под носом творит такое? — задумался Сергеич и отдал команду утащить му жика в сторонку. — Придётся вызвать сюда следователя из Сибирска. Это не ка-торжанин, которого можно пристрелить и прикопать на заднем дворе, — неохотно потянулся к телефону Сергеич. Ничего хорошего от приезда следака он не ждал.

Придётся прекратить охоту и сбор грибов, ягод. Живём-то мы посреди заповедника, в котором всё это запрещено.

Ну а я уволок упирающегося всеми лапами Шарика в дом, где залил рану на его ноге перекисью и замотал мхом, взявшись за учебник. Пора подучить формы, и первой в списке стояла: *«Исцеление I ступени»*.

* * *

— Кукареку! Кукареку! — надрывался под моими окнами сбежавший от соседей петух. Зараза этакая, засунул я голову под подушку.

— КУКАРЕКУ!!! — Запрыгнул он на окно со стороны улицы, заглядывая одним глазом в комнату.

— В суп отправлю, — пообещал я, вставая. Спать при таком шуме невозможно. Часы показывали семь ноль-ноль.

Настенька, дочка нашего повара и соседа, весело помахала мне рукой за стеклом и утащила нахохлившегося от него-

дования петуха домой, жалобно кричал он на своём языке. Мстит мне пернатый за то, что пнул его. Да и не специально я! Споткнулся просто.

– Гад! – Натянул я тёплый вязаный свитер, пахнувший мамой, штаны, тапочки и пошел на запах яичницы.

И тут шум за окном изменился. Раздались выстрелы. ВЗРЫВ! Подпрыгнул дом до основания.

– Что за?..

Глава 6

– Семён?! Пригнись! – сбили меня с ног, повалив на пол. – Не высовывайся, – потребовал от меня Жук, оставив на попечении Бориса, пока сам подполз к окну и выглянул на улицу.

Там шла пальба. Что-то горело и трещало. Слышны крики боли. Просьбы о помощи.

– Гав! Гав!

Заглядывал в то же окно Шарик, которому стало любопытно. Хвост так и вилял из стороны в сторону.

– Бэтээр из гранатомёта подорвали, – пояснял для нас с Борькой Жук, не давая подняться. – Бандюки какие-то. Не знаю, на что они надеются, – тревожно озирал он поле боя.

– Снайпер с севера, – заработала рация на поясе Бориса. – В подлеске паскуда хоронится, – зашипела она, съедая последние слова Сергеича. – Петро, Василь, снимите его. – Отдал он команду, когда связь восстановилась. – Ждём...

Стрельба почти стихла. Бандиты, получив сильный отпор, попрятались по канавам. Наши же залегли где придётся.

– Готово, командир, – послышалось из рации голосом Василя.

Мы с Борькой не выдержали и на пару подползли к другому окну, пока Жук обещал обрушить на наши головы все кары небесные.

Но интересно же!

Из-за занавесок в других домах, как и мы, выглядывали любопытные лица мужиков, отгоняли их от окон испуганные и растерянные жёны.

– Вперёд! – Увидел я, как наёмники мелкими перебежками пошли на бандитов. Дмитрий, залёгший в сторонке, не давал им и головы поднять, работая пулемётом.

Я думал, мужики хотят взять пленников, «языков», а они просто подобрались на дистанцию броска и закидали татей гранатами, не дав тем и шанса.

Бух! Бух! Бух! – вздыбилась земля, а потом тишина.

Жук велел нам оставаться в доме, а сам ушел помогать своим, прочёсывали они близлежащие окрестности, собирали трупы и ходили по домам, проверяя, все ли живы.

– Заноси! – пинком открыл дверь в дом один из наёмников.

Вздрогнувший Борис чуть не застрелил их при входе.

Без пострадавших не обошлось, внесли к нам с улицы трёх каторжан с ранениями разной тяжести. Хорошо хоть не детей или женщин, выдохнул я с облегчением.

– Семён, справишься? – быстро спросил Сергеич и, не задерживаясь, покинул дом. Его вопрос не предполагал отрицательного ответа.

– Ну, понеслась, – помог мне рыжий срезать с раненых и кричащих от боли людей одежду, открыв страшные раны.

– Да держи ты его! – прикрикнул я зло на Борьку. – Чего

смотришь?

– А-а-а! – вопил один из них особенно сильно, срывая голос и раздирая себя руками, не даваясь.

– Шлёп! – дал я пощёчину Борису, выведя того из ступора.

Двум каторжникам относительно повезло. Простые пулевые раны в ноге у одного и две в руке у другого. А вот третий мужик был страшно обожжен. Видимо, проходил как раз рядом с БТР, когда её подорвали из гранатомета, посекло его ещё и осколками в придачу. Это он так страшно кричал и отбивался от нас.

– «Сон», – произнёс я название формы вслух, так как легче её вспомнить и воспроизвести, погрузил всех трёх раненых в дрему, из которой сами они выберутся лишь через сутки, даже если их тут сейчас будут резать. Лучше всякого наркоза – они перестали кричать и дёргаться.

Закатав рукава, я принялся за дело. «Очистка раны» – вышли из отверстия в руке у каторжника запёкшаяся кровь и пуля, «обеззараживание» – убил я всех микробов, «исцеление» – закрылась дырка от пули тонкой кожей.

– Положи мох сверху и забинтуй, – отдал я команду Борису и перешёл к следующему пациенту. Там всё повторилось в точности. А вот третий мой больной заставил меня попотеть, наложил я на него «обеззараживание» и «регенерацию тканей», форму II ступени. За конспирацию я не боялся. Других кудесников рядом нет.

Заматывать в бинты невезучего мужичка мы не стали.

Просто обложили его всего целебным мхом, перенесли на матрас, застеленный чистыми простынями. Двух других ка-торжников уложили рядом. Матрасов в запасе целая кладовка, как и постельного белья, превратилась наша кухня в палату больнички.

Даже запахи те же.

– Выживут?

– Эти точно, – указал я рукой на раненых от пуль. – А вот обгорелец – не знаю... – покачал я головой, отгоняя Шарика от лужи крови на полу. – Точнее, – поправился я, – выживет-то он без вопросов. Только вот я не уверен, насколько хорошо на нём нарастёт новая кожа, – замолчал я, обдумывая дальнейшие действия. – Придётся поддержать его несколько дней во сне.

– Зачем?

– Боль должна быть жуткая, а наркоза у нас нет. Пусть лучше так.

– Понял, – повернулись мы с ним на шум с улицы.

Сергеич с отрядом вернулся, поймали они попытавшегося сбежать главаря шайки бандитов. И судя по всему, провели с ним полевой допрос, истекал он кровью.

Глаза у него смотрели в разные стороны.

– Надо подлечить, чтоб не сдох, – кинули его на пол у моих ног. – Я уже позвонил следователю из Сибирска, сообщив, что тут у нас новая проблемка, и описал ситуацию. Он сказал, что уже садится на вертолёт в составе опергруппы и бу-

дет у нас через два часа вместе с врачом.

– Хорошо, – чуть подлатал я этого безумного мужика, с вожделием смотрящего на обгорелого каторжанина, ворочающегося во сне.

Руки у меня были по локоть в крови, ведь почти все целительские формы требовали их наложения на пациента.

– Пойду, умоюсь, – устало сказал я, скрывшись в ванной, где включил на полную холодную воду и засунул под струю голову, прогоняя из башки крики боли, стоны и кровь. Это для меня слишком.

Сперва расстрелы каторжан, потом мужик в лесу, теперь это. Суровая же в Сибири жизнь. Не такого я ожидал, отправляясь сюда. Не такого...

– Прости, мама, – смотрел я на себя в зеркало, поглаживая сплетённый ею для меня белый свитер, весь в красных пятнах. – Не сберёг, – не был я уверен, что удастся его отстирать.

* * *

Следователь, как и обещал, прибыл через два часа и пробыл у нас три дня, вынюхивая и расследуя все обстоятельства дела. Точнее двух. Смерть неизвестного в лесу и нападение бандитов.

– Так вы, Семён, говорите, что наткнулась на неизвестного случайно? Так? – сидел он напротив меня, прожигая

взглядом и пытаюсь запугать.

Ему только лампы на столе не хватало, чтобы направить её мне в глаза. Надоел хуже редьки – кисло отвечал я на вопросы по пятому кругу.

– Так, Афанасий Игоревич.

– Кхм-кхм, – прокашлялся он, поиграв бровями, и отпустил меня барским жестом.

Ну что за идиот? Ведь знает же, что я из княжеского рода и не подсуден перед милицией. Я даже мог не отвечать на его вопросы и просто проигнорировать, но он, видимо, посчитал, что я его опасаюсь.

Чувствую, ничего он не накопает. Только время наше потратит. Точнее уже потратил, не сделал я за эти дни ничего полезного.

Надеюсь, не все следователи в Сибирске такие дуболомы. Хотя... какое мне до них дело?

Как я и думал, всё расследование оказалось фарсом. Ни следователь, ни его команда даже в лес не отправились, хотя мы и предлагали им показать место первого преступления.

– Нет! – упёрлись они рогом. – Здесь и так всё ясно. Этого грибника в лесу убила банда Косого, сбежавшая из колонии. Их ловушка. Расследование окончено, – увезли они с собой все трупы и оружие нападавших, как и хозяина Шарика. Провожал он вертолёт взглядом, пока тот не скрылся за горизонтом.

* * *

– Ну что скажете, Анна Михайловна? – обратился к старшему лейтенанту медицинской службы полковник Пономарёв. – Как вам мальчик?

– Наивен, глуповат и не несёт никакой угрозы.

– Тогда и устранять его нет никакой необходимости. Не хватало нам ещё здесь ищеек рода Смирновых, шастающих по лесу, как у себя дома, – задумчиво пожевал он краешек усов. – Свободны, – выпроводил он женщину, принимая у себя следующего посетителя. Следователя Сибирска и своего племянника.

Полковник разбирался в людях куда хуже, чем сам считал, и не заметил, что Анна Михайловна соврала, скрыв, что Семён имеет не нулевую, как записано в его документах, степень, а первую, дала она ему пару советов по медицине, когда долечивала пострадавших.

Виноватой она себя не считала. Это такая мелочь, право слово. И конечно, виной тому не то, что у неё самой есть сын того же возраста.

* * *

– К вам «аптекарь», Людмила Ильинична, – с поклоном

зашел в кабинет хозяйки слуга.

– Впусти, – отмахнулась та от него, вчитываясь в доклад одного из преданных лично ей людей, отправленных в Сибирь приглядывать за мальчишкой. – Уцелел, везучий поганец! – раздражённо закрыла она файл на компьютере. – Ничего... Не долго тебе осталось. Люди, посланные за твоей головой, не бандиты, а профессионалы. На этот раз не выкрутишься, – ждала она звонка от наёмника, поглядывая на телефон. – Уже скоро...

В то время тот, кого называли не иначе как «аптекарь», выкладывал на стол склянки с ядами, противоядиями и афродизиаками, старался он не прислушиваться к тому, что бормочет женщина. От греха.

– Это убери, – обратила она на него внимание, указав пальчиком с длинным, окрашенным в ядовито-красный цвет ногтем на невзрачный бутылёк. – Больше блокиратор Филатова мне не понадобится, – улыбнулась она с предвкушающей улыбкой.

«Аптекарь» осторожно протянул трясущуюся руку, боясь, как бы Людмила Ильинична, внимательно наблюдающая за ним, не цапнула его своими коготками, окрашенными лаком его производства, что полностью подавляют волю человека, убрал он блокиратор в саквояж, стараясь не думать, почему этой «змее» больше не нужно средство, не дающее раскачать средоточие выше нулевой ступени.

И кому она его подливала, интересно?

Личные покои императора Российской империи. Вечер

– Чего замолчал, Володя? Докладывай, не обращай внимания, – приказал одиозный лидер страны, наклонившись вперед и шмыгнув носом.

Его сын и наследник только закатил глаза, наблюдая, как мама скачет вокруг простудившегося отца, подкладывая горячую картошку в кастрюлю, над которой дышал император Василий III по прозвищу Первый-в-битве.

Видели бы его сейчас подданные, неодобрительно покачал головой Володя. Двадцать первый век на дворе, а отец всё ещё верит в народную медицину.

– Как ты и велел, наши аналитики и счетоводы всё высчитали. Предки были правы. Знать мельчает.

– Конкретнее! – невнятно потребовал император сквозь клубы пара.

– Если главы боярских или княжеских родов и их сыновья ещё могут похвастаться четвертой или пятой ступенью, то остальные члены рода так и замирают на второй или третьей, считая, что и так неплохо. Зачем вкалывать, не щадя живота своего, чтобы прыгнуть на ступень выше, когда у них и так всё есть? Сила, власть, богатство...

– Что по цифрам?

Володя зашуршал бумагами на столе и нашёл нужную.

– По последним данным мы имеем: семьдесят три кудесника пятой ступени. Все старше пятидесяти лет. Триста три

четвертой. Из них нет никого моложе сорока. Ну и в районе пяти тысяч третьей. Общее число тех, кто достиг первой и второй ступени – полмиллиона.

– А по противникам?

– В Европе дела обстоят не лучше. У наших же главных недоброжелателей всё ровно наоборот. Турция и Китай с каждым днём становятся всё сильнее. Провокации на границе участились. Боюсь, дело идёт к войне. Если не сейчас, то через год, два. Не больше пяти.

– Как я и предполагал, – приподнялся над кастрюлей император, сняв с головы полотенце и передав его молчавшей всё это время жене, стоящей рядом.

– И что мы будем делать? – с ожиданием уставился на отца сын.

– Готовиться, Волоша. Готовиться...

Глава 7

– А-а-а... – Открыл я рот, зевая и с усилием разлепив глаза. – Чего тебе, Шарик? Три часа ночи на дворе! В туалет, что ли, хочешь?

Он облизнул мое всё лицо, пока я вставал и одевался.

На улице было свежо. Морозно, хоть и осень на дворе. Не на юге чай живём, покрыл первый снежок ещё зелёную траву и сковал лужи.

– Ну, давай, делай свои дела, и пойдём спать.

Шарик же повёл себя странно. Ухватил меня за штанину и потащил за собой. Стало интересно, чего это он мне показать хочет; вёл он меня преимущественно по задним дворам домов, где ещё не было освещения, и в обход патруля, внимательно всматривающегося и вслушивающегося в ночь.

Привёл он меня к караулке, к открытому окну, где слышались разговоры других патрульных. Отдыхающая смена, подумал я, уже собираясь уходить...

– Ты уверен? – донеслось до меня, сидящего под окном рядом с двигающим ушами Шариком. – Семён мог и догадаться. Парень он неглупый.

– Уверен, батя, не кипишуй. Он мне доверяет и сразу бы сказал, если что заподозрил.

– Оно и к лучшему, – узнал я голос Сергеича и Борьки. – Мальчик, конечно, молодец, но нам и о себе подумать на-

добно. Так что просьбу этого следователя мы выполним и постараемся отвадить Семёна от места, где он нашел свою «собачку». Нечего ему там делать. Это на тебе!

– А это не предательство нанимателя? – с сомнением протянул Боря. – Нас же тогда свои не поддержат.

– Нет, – хмыкнул Сергеич. – Мы ведь не собираемся ему вредить, так? Просто выполним небольшую просьбу местных, за что нам пообещали немалый куш и наём на следующий год.

– Тогда ладно, – согласился с отцом рыжий.

Иуды, раздул я ноздри от гнева и сжал кулаки.

Дальнейшие их разговоры ничего интересного не несли, и мы так же скрытно убрались из-под окон караулки, незаметно проскочив к себе. Из комнаты Жука всё так же раздавался раскатистый храп, был я спокоен. Разделся и прошел в свою комнату, сев на кровать.

– Ну и дела... Ну и дела... – Не мог я поверить в услышанное, всё ещё переживая. И их дядя Иван считал честными и преданными наёмниками? Руку пожимал?

– Гав, – подал голос Шарик.

– Отныне нам с отрядом «Мангуст» не по пути. Отработают своё и пусть катятся, – сказал я псу по секрету, поглаживая его за ухом. – А ты молодец! Спас меня, можно сказать. А то пригрел, понимаешь, змею под боком. А ведь я ещё хотел предложить им продлить контракт. А со временем и в личную дружину взять. Эх-х, – тяжело выдохнул я, в ко-

торый раз разочаровываясь в людях. – Ладно, давай спать. Утро вечера мудренее.

Огромный комок меха забрался ко мне, и так в обнимку мы и заснули.

Утром всё было как обычно. Завтрак, зарядка, несколько часов медитаций.

Понять, что меня что-то гложет изнутри, было невозможно. Я ни словом, ни делом не показал изменившееся отношение к отряду Сергеича. Спасибо мачехе, научился я дома играть на публику и лицемерить. Взглянешь на неё или отца хмуро или, не дай боже, зло, сразу отведаешь плетей от нашего палача.

Так что пришлось научиться врать, недоговаривать и улыбаться в лицо врагу. Думал, это осталось в прошлом, в родовом гнезде, но нет, похоже, от этого никуда не деться.

– Боря! Такси вызвал? – Закончил я пробежку вместе с Шариком и повеселевший вбежал в дом.

Всё наладится. Хватит себя накручивать.

Упал на коврик у дверей и счастливый пёс с высунутым от усталости языком.

– Да. В десять утра будут, – жевал он бутерброд за столом в компании Жука, чистящего разобранный пистолет ТТ.

– Ну и ладушки, – скрылся я в ванной, встав под тугие струи горячей воды, смывающие с меня усталость.

В Сибири – из-за практически отсутствующих дорог и огромных расстояний между городами и населёнными пунк-

тами – такси было воздушное. Вертолёты для тех, кто побогаче, и тихоходные дирижабли для остальных. Железная дорога пока оставалась только в планах.

Пока ждали вертолёт, обдумывал ситуацию, и она мне не нравилась. Доверять Сергеичу и его отряду больше нельзя. Где гарантия, что за крупную сумму он меня не продаст? Нужны свои, верные до гроба люди. Но где их взять? Где?

Вертушка приземлилась, и я в компании охраны отправился покорять город Сибирск. Смотрел я в иллюминатор за проносящимися под нами лесами, ручьями и небольшими речушками. Однообразный пейзаж быстро наскучил, и я прикрыл глаза, притворившись спящим.

Нужно будет не забыть сходить с Шариком к месту гибели его бывшего хозяина. Интересно, что власти так хотят скрыть, раз не постеснялись подкупить мою охрану? Ведь в округе на тысячи километров ничего нет?! Или есть? Но слуги, Зорины, ничего такого не докладывали. Впрочем, я теперь и сам знаю, что они многое скрывали, одна ель чего стоит, так что бездумно доверять написанному в их бумагах – глупость несусветная.

– Семён, подлетаем, – мягко коснулась моего плеча рука Сергеича.

– Понял, – открыл я глаза, напоказ потянувшись.

– Пап, там Маша в загонах! – неверяще прикрыла рот рукой молодая девушка, отвернув взгляд от клеток с холопами, выставленными на продажу.

– Не показывай виду, – не размыкая губ, потребовал её отец, боярин Московитый.

Гремевшая в Сибирске последние полгода война между боярским родом Слуцких и Гончаровых закончилась. Казалось бы, Слуцкие вырезаны полностью, а их слуги и воины охолопены и выставлены на продажу, но почему же одна из дочерей погибшего боярина в загоне? Как могли Гончаровы так ошибиться?

– Мы не можем её выкупить. Это сразу привлечёт внимание.

– Но, отец! – глазами, полными непролитых слёз, посмотрела на него дочь. – Это же Маша!

– Не можем, – отрицательно покачал он головой и увёл дочь с рынка, и пропустили они момент, когда к клеткам в окружении охраны подошел молодой человек, не старше тринадцати лет.

Небольшой провинциальный городок Сибирск мне понравился. Аккуратные каменные домики, соседствующие с бревенчатыми срубами, словно выпрыгнувшими со страниц сказок. Приветливые люди, щеголявшие в мехах. Лиса, волк, медведь, ласка, угадывал я, что на них надето, посмеиваясь над женщиной, напялившей на голову шапку из огромной вороны.

Как только люди ни изгаляются, желая выделиться.

Впрочем, в город я прибыл не для праздного шатания, убрал подписанные контракты в саквояж и достал блокнот из кармана, вычеркнув один из пунктов. Деньги уплывали сквозь пальцы словно вода.

– Куда дальше? – жизнерадостно светил своей физиономией рыжий иуда. Если раньше он меня забавлял, то теперь раздражал. – Мне сказали, что род Гончаровых выставил на базаре хороший товар. Имущество неких Слуцких, с которыми у них была война. Надо сходить да глянуть. Обещали большие скидки.

Неспешно мы пошли в направлении шума.

Рынок жил своей жизнью, пытались хватать меня за руки уже при подходе к нему бабки, суя под нос пучки зелени, семечки и бальзамы на кедровых орешках.

Я только посмеивался, искоса наблюдая, как Борис пы-

тался отделаться от них, толкаясь и закономерно получая по шапке то веником, то связкой душистых трав. Нравы здесь были простые.

– Ох, молодёжь пошла. Никакого уважения! – собралась позади целая толпа набежавших бабушек, хаявших рыжего.

Пока мы искали место торго бояр Гончаровых, я перебирал в голове благополучно завершённые сегодня дела.

Первое – нанял контору со странным названием «Кин-дза-дза», пообещавшую установить мне видеонаблюдение на ферме в кратчайшие сроки. Они же поставят вышку сотовой связи, на которой помимо этого разместят тарелки для приёма спутникового телевидения и интернета.

Я всё-таки всю жизнь прожил в большом городе и привык к другому уровню комфорта. Не дело это, когда на всё поселение всего несколько спутниковых телефонов и нет ни радио, ни телевидения.

Второе – купил и договорился о доставке на место всяческой живности, помимо уже закупленных кур и кролей.

Третье – увёл из-под носа купчины большие, промышленные теплицы, которые мы установим сами. Зря он так долго торговался. Проведу в них тепло и начну выращивать овощи и зелень круглый год. Лишний доход не помешает.

– Это кто? Каторжники? – указал пальцем на решётчатые клетки Борис, за что получил по руке от отца.

– Холопы.

– А-а-а... – протянул он понимающе.

В чём отличие между холопом и каторжником, спросите вы? Всё просто. Каторжник – это бесправный раб, а холоп – гражданин нашей страны, с урезанными правами. Его можно сечь, бить, делать что хочешь, но не убивать. И даже даровать свободу, коли на то будет желание.

И тут я понял, что вот он – мой шанс заполучить верных людей. Да, воины рода Слуцких проиграли войну Гончаровым, да, они должны были умереть, но не позволить себя охолопить, только вот большого выбора у меня не было. Верные люди нужны кровь из носу.

– Почём? – обратился я к продавцу, слуге рода Гончаровых, судя по гербу, вышитому на рукаве куртки, расшитой красными петухами.

– Господин? – Поклонился он, стрельнув взглядом уже на мой герб, вышитый в отличие от его не на рукаве, а напротив сердца, говорящий всему и вся, что я не слуга, а член рода.

– Семён Андреевич, из княжеского рода Смирновых, – представился я.

Слуга на это расплылся в угодливой улыбке. Почувствовал, зараза такая, что я готов хорошо потратиться.

– Очень приятно, господин, – вновь поклонился он. Запуганный слуга какой-то. – А эти, – презрительно скривил он лицо, – идут по пятьдесят тысяч за мужика, тридцать за бабу и по десять за ребёнка. Отрепье, – сплюнул он в сторону. – Позволено ли мне будет узнать, на что они вам?

– К делу пристрою. Навоз таскать на моей ферме будут, –

приврал я чутка.

– Хи-хи-хи, – гадливо рассмеялся слуга. – Воины и слуги рода Слуцких будут таскать навоз. Хи-хи-хи...

В итоге мы договорились, купил я всех, кто сидел в клетках. А это ни много ни мало – пятьсот с гаком человек. Придётся моим каторжанам потесниться, селить-то их некуда. Ну, ничего. В тесноте, да не в обиде.

На этом я не закончил. Тот же продавец предложил взглянуть на другой товар. Мягкую рухлядь, оружие, автомобили, бронетранспортёры, танки, зенитки и многое другое, купил я в конечном итоге себе вертушку, так как без неё в Сибири никак. Пилоты же нашлись среди холопов, они-то и подсказали мне, что стоит брать, а чего нет, потратил я ещё немного монет на действительно интересные вещи.

Улетал я из Сибирска, уверенный в завтрашнем дне и с пустыми карманами. Зато на своём Ми-8Т замшелого 1987 года.

Глава 8

Из спальни в домике каторжников раздавался плач. Женщины, занявшие эту комнату, сгрудились вокруг молодой девушки лет двадцати и пытались её успокоить, но не получалось.

– Всё будет хорошо, Маша, всё будет хорошо... – Обнимали они её, баюкая и тревожно переглядываясь.

– Нет, нет, нет! – Текли из глаз девушки слёзы, а сама она словно пребывала не здесь.

Последняя оставшаяся в живых представительница рода Слуцких повидала слишком много на этой войне. Смерть братьев, мамы, отца и младшенькой сестры. И всё это на её глазах.

– Я хочу к ним. Отпустите, отпустите, – попыталась она вырваться, но бывшие её слуги и няньки держали крепко. – Я приказываю!

Нянечки не послушались. Заварили ромашкового чая, насильно напоив девчонку, и уложили спать, зажав её между собой.

– Спи, Машенька, спи... – запела ей колыбельную из детства главная няня, возвращая девушку мыслями в те времена, когда она была счастлива.

Половицы скрипнули, и каторжник, к которому подселили холопов хозяина, отошел от двери.

Конец сентября уже. Вот время летит. Я прошел мимо вышки с кучей антенн, направляясь к теплицам. Шарик бежал рядом, охраняя. На некоторых он рычал, к другим ластился.

Собака у меня умная, не болонка, запоминал я тех, кто ему не нравился, а кто по душе. Пригодится.

– Ну, что у нас тут? – Зашел я в первую теплицу, засаженную несколько дней назад огурцами.

Тепловентиляторы работали на полную, стояла внутри температура за тридцать. Влажность поддерживалась вручную, ходили между грядок девушки и дети с лейками.

Невесть откуда в теплице завелись бабочки пёстрых расцветок, летали они над головами. Детвора упросила взрослых сделать им поилки, куда наливали воду, разведённую с мёдом.

– Всё хорошо, Семён Андреевич. Растут как на дрожжах, – счастливо обвела взглядом своё хозяйство Марфа Агафьевна, по образованию агроном, приставил я её к делу, сделав здесь старшей.

– Вижу, – оглядывал я подросшие как по волшебству огурцы, зеленели подвязанные веточки, вытянувшись на полметра вверх. Хотя почему как? По волшебству и есть.

– А как вы сами? Всё ли хорошо? Не нужно ли чего? –

спрашивал я, параллельно плетя форму «*дары природы*». С открытым ртом наблюдали за волшебством самые маленькие помощники в теплице, засветились на миг растения, под их дружный вздох.

– Слава богу, всё есть, – перекрестилась она. – Спать ложимся сытыми и в тепле. Вот только... – замялась она.

– Что? – с любопытством посмотрел я на неё.

– Баньки не хватает. Привыкли уже за много лет по выходным париться. Да с берёзовыми веничками.

– Поставим, – пообещал я. – Мой промах, – повинился. – Сам-то я городской. Всю жизнь в четырёх стенах прожил, вот и не подумал.

– Спасибо, – скомканно поблагодарила она, пеняя себя за длинный язык.

Так, общаясь с новыми людьми, я обошел все теплицы и курятники. Навестил бурёнок и свиней. Подержал на руках крольчат. Люди везде были веселы и незлобивы, притёрлись друг к другу каторжники и холопы.

Бывшие же воины рода Слуцких занимались знакомым делом. Охраняли наш покой, установили они свои порядки с моего молчаливого согласия. Сергеич и отряд «Мангуст» были мягко задвинуты в сторону.

Как мне удалось примирить народ с новой действительностью? Унять их гнев на чужих и в особенности на себя? Всё началось с разговора с Андреем Потаповым, седым как лунь дедушкой, к которому прислушивались мои холопы. И

слуги, и воины.

За несколько дней до этого

– Присаживайтесь, – указал я на лавку напротив.

– Благодарствую, – осторожно присел он. – Ноги уже не те, что были раньше, – извинился за то, что облокотился о стол, сбив скатерть.

– Пустое, – махнул я рукой, почувствовав себя виноватым.

Нет бы встать, да помочь ему, а я тут сижу, корчу из себя княжича, хотя даже не наследник и никогда им не буду.

– Чаю? – Разлил я кипяток из самовара, поставив перед ним чашку и блюдце. Пододвинул вазочку с вареньем и мягкие тульские пряники. – Чем богаты, – пытался я исправить свою оплошность. Старость нужно уважать.

Подув на поверхность кружки, он отпил. Глоток, другой...

– Хороший чай. Терпкий, насыщенный, – похвалил он. – Что это за сорт? Те Гуанинь или Тяньши? – Показал он себя знатоком.

– «Принцесса Рита», – чуть покраснел я.

Один из самых дешевых чаёв подсунул. Впрочем, другого не было. Не подумал. Не купил. Вот и сижу как помидорка.

– Хех, – ухмыльнулся он. – Теряю хватку...

Не прошло и пяти минут, как зрачки старика расширились, а на лицо выползла глуповатая улыбка, стал он путаться в словах, именуя меня то Максимкой, то Егоркой. Зелье подействовало.

Доверился новым людям на слово? Нет! Хватит с меня лжи, подлил я ему в стакан с чаем одно редкое зелье, украденное мной у любимой мачехи ещё несколько лет назад.

Никакой больше веры чужакам, пока они не докажут, что достойны.

Времени мало, торопился я, выпрашивая у деда подробности их войны с Гончаровыми, другие детали жития в Сибири и мелкие секретки, пока не заметил, что зелье выветривается, и прекратил допрос, переключившись на болтовню о погоде и видах на урожай мха в следующем году.

Он так ничего и не понял, что немудрено. Зелье-то редкое. Мачеха потом весь дом перевернула в поисках, но так ничего и не нашла. Косилась только на меня с подозрением.

– Вот, – протянул я ему бумагу. – Прочтите.

Он зашевелил губами, зачитывая вслух:

– Я, Семён Андреевич из княжеского рода Смирновых, находясь в трезвом уме и твёрдой памяти, обязуюсь дать вольную всем купленным мною на базаре города Сибирска холопам не позже чем через два года, дабы жили они своим умом.

С их же стороны я требую неукоснительного выполнения своих приказов, трудолюбия и старательности. Покуда все требования будут выполнены – они обретут свободу.

Дата, подпись.

– Что скажете? – прервал я повисшую между нами тишину.

– Это гораздо больше, чем мы рассчитывали, – честно признался он. – Гораздо, – потряс он бумагой, смотря на меня с сомнением. Не верит.

Условия и вправду выглядят слишком хорошими. Понимаю его. Но двойного дна там нет, так я и сказал.

– Не хочу получить удар в спину и держать насильно тех, кто может этот удар нанести.

– Я вас понял. Молодёжь, – мотнул он головой в сторону, – ухватится за эту возможность руками и ногами. Мы же, старичьё, их поддержим. Не подведём. Можете положиться на нас.

– Добро, – пожали мы руки, скрепляя сделку.

Я работал на перспективу. За два года много воды утечёт. Люди обзаведутся домами, хозяйством и никуда не захотят уезжать. Ну а ежели кто и соизволит меня покинуть, так и скатертью дорожка.

* * *

– Да, поди, нету уже грибов-то. Холодно. Может, вернёмся? – нудил рыжий, пока мы шли по лесу, пристал он ко мне как репей, увязавшись следом.

– А это что? – приподнял я корзинку с одиноким красно-головиком в ней. Маленьким и червивым.

– Эх... – обречённо покачал он головой.

Пошел он со мной неспроста. Договор со следователем на-

до выполнять, вот папка и подослал его ко мне, увидев, что я собираюсь в лес. Ну да ладно. Борька умом не отличается, обвёл я его вокруг пальца.

Зашли в чащу мы с другой стороны, не там, где я вышел в своё время с волокушами и трупом на них, но не прошло и получаса, как я поплутал по буеракам, выписывая петли и якобы ища грибы, встали мы на нужный путь. Рыжий так ничего и не заметил, были мы уже на подходе к той злополучной полянке.

Я остановился и напоказ стал осматриваться, сверяясь с компасом.

– Заблудились? – забеспокоился Борька.

– Не, – отмахнулся я. – Это что, лиса? – указал я ему за спину, выпучив глаза.

Рыжий резко обернулся и схватился за автомат.

– «Сон», – шепнул я чуть слышно, и он завалился на бок, подхватил я его, прислонив к ближайшему дереву.

– Гав!

– Так надо, – опрыскал я парня дурно пахнущей водой, отпугивающей крупную живность. – Теперь не съедят.

Прошли мы с псом сотню метров и оказались рядом с капканом, подбежал он к нему и стал обнюхивать, после чего повернулся к нему задом и начал загребать ногами, зарывая обидевшую его железяку.

– Всё, всё, – оттащил я его в сторонку. – След!

Он понял меня правильно, pokrутился на месте и уверен-

но повёл нас в дремучий лес.

Как я и думал, идти было не далеко. Мужик ведь ягоды собирал, зачем ему забираться на сотни километров в глубь тайги?

«Р-р-р-р-р», – низко зарычал Шарик ещё на подходе к месту, пригнувшись, словно для броска.

– Тихо, тихо, – погладил я его по вздыбившейся холке, и мы ползком, по-пластунски подобралась ближе, торчали наши головы из малин ника на краю оврага. Так бы нас давно заметили, но загодя накинута *«маскировка II ступени»* делала своё дело. Жаль, долго её держать не получится. Силы словно вода сквозь пальцы уходят.

– Странно... И что же здесь секретного? – Ни мог я понять, крутя головой по сторонам.

Обычный лагерь на несколько больших палаток, накрытых маскировочной сеткой. Человек сто военных, ходили они в камуфляже и с оружием в руках, переговариваясь. На краю прогалины стояли боевые вертолёты.

– Торопитесь, разявы! Нам ещё барахло яйцеголовых собирать! – кричал на солдат молодой лейтенант, поторапливая.

Лагерь сворачивался.

Время маскировки подходило к концу, и я уже думал, что ничего путного не увижу, как из палатки с краю начали выходить люди в противогазах. Та, в отличие от остальных, была герметичной. Медицинской.

Командный окрик, и лейтенант погнал солдат внутрь. Через минуту они вышли, таща в руках тачки, полные... – пригляделся я, – ...трупов. Вот чёрт! Торчали в разные стороны руки, ноги голых мужчин, женщин и детей.

– Один, два, три, десять, – считал я, постоянно сбиваясь.

Теперь понятно, зачем та яма с краю лагеря, сваливали они в неё мертвецов, пока не заполнили до краёв.

– Сержант! – Махнул рукой, давая добро, лейтенант, и стоящий в сторонке солдат с монструозной установкой в руках заполнил могильник огнём.

– Надо убираться отсюда, – потащил я заскулившего пса сквозь кусты, подальше от этого места.

Выяснять, чем тут занимались учёные, нет никакого желания. Как и сгореть под струёй пламени из огнемета. Но дядьке я позвоню. Расскажу, что видел.

Глава 9

Последнее время я стал задумываться об эмансипации. Ведь пока я несовершеннолетний мальчишка, мне может приказывать и безнаказанно шпынять любой из взрослых родственников. Понравилась мне свобода. Не хочу больше прогибаться перед дядьями, тётушками, дедушками и другими «доброжелателями».

Узнать, что для этого надо, не составило никакого труда. Первое условие: прожить без пригляда родственников год. Самостоятельно, своим умом. Осталось дожидаться лета, и всё. Второе условие: иметь возможность прокормить себя. Тут мне в помощь бухгалтерские книги фермы. И третье, последнее условие: возраст возжелавшего свободы подростка должен быть не младше четырнадцати лет. Тоже не проблема. День варенья у меня в январе.

Главное не трубить о том, чего я хочу, на каждом шагу. Дяде Ивану ни слова. Он, конечно, хороший мужик, но... он ещё и наследник. Княжич. И первое место в его приоритетах занимает род, его сила, влияние и репутация, а уж потом всё остальное. Не берусь сказать, будут мне ставить палки в колёса или нет, но лучше поберечься. Кое-кому точно не понравится моё желание стать свободным.

Совершеннолетнему проще. Власть главы рода не безгранична, включил я компьютер и раскрыл ноутбук. На экранах

высветились десятки графиков, скачущих то вверх, то вниз.

– Так, так, так. Что тут у нас? – принялся я за работу.

В девять лет я узнал, что такое биржа, и так достал маму, что она оформила на меня бумаги, и я законно стал покупать и продавать акции. Денег правда мама дала мало, всего десять тысяч, но я и этому был рад.

Были как подъёмы, так и падения, посмеивались и измывались надо мной сводные братья и сестричка. Только мама меня поддерживала, хоть и не верила, что я чего-то добьюсь на этом поприще, но виду не подавала. Как же мне её не хватает, отвёл я взгляд от монитора, взяв в руки рамку с фотографией. На ней были мы с ма. Сидели в обнимку на качелях, улыбались и ели мороженое.

– Жаль, ты не видишь меня сейчас, – дотронулся я до неё рукой, еле сдерживаясь. В глазах защипало. Настроение испортилось и даже постоянные пиликанья компьютера, оповещающие о том, что заданное значение достигнуто и акции проданы по установленной цене, меня не радовало.

Да, я ещё до приезда сюда не бедствовал, хоть и молчал об этом в тряпочку, иначе бы добрая мачеха или другие родственнички всё отобрали. И сейчас молчу, не трачу ни копейки из этих денег.

Рука потянулась выключить компьютер, а взгляд автоматически, по старой привычке, стрельнул в угол экрана, туда, где скромно притулилась графа баланса. Девятизначное число должно было радовать глаз, но меня сейчас ничто не

радовало.

* * *

– Согласен. Что-то изменилось. Витает в воздухе этакое, – покрутил рукой Василь в своей неизменной каске водителя БТР.

– А вон и Семён, – указал кивком головы на мальчишку Дмитро. – Что делать будем? Сергеич молчит, словно воды в рот набрал. С рыжего спрос никакой.

Мужики стали переглядываться.

– Чего кота за яйца тянуть? Пойду да прямо спрошу, – встал с лавки Жук и направился к парню, поймавшему каторжников на горячем. Эти умельцы сварганили самогонный аппарат и потихоньку спаивали народ. Вот влетит им. Он поглубже в карман засунул фляжку с их варевом. Забористая штука вышла.

– Семён, – окликнул его. – Отойдём на минутку? Есть разговор.

– Ждите здесь, я ещё не закончил, – велел он провинившимся и подошёл к наемнику, вставшему в сторонке.

Стоит и внимательно смотрит, аж зябко стало под его взглядом. Не дождавшись от него вопроса, Жук помялся немного и спросил:

– Скажи, пожалуйста, что случилось? Чем мы провинились? Почему нас задвинули в сторону? – словно в омут с

головой прыгнул, не став ходить вокруг да около.

Парень скривился. Прошептал что-то, споря сам с собой, и посмотрел на наемника уже другим взглядом. Жёстким и злым. Дети так не смотрят.

– А Сергеич вам, выходит, ничего не рассказывал?

– Нет, – коротко ответил Жук, гадая, к чему он ведёт.

– Так может, и ладно? Отработаете контракт и всё? Разойдёмся без скандалов.

Последнее его слово совсем не понравилось воину.

– Мы с парнями честные наёмники. Состоим в ассоциации. Платим налоги и имеем высокий рейтинг среди похожих команд. Нас ценят и уважают. Скажи, в чём дело?

И мальчишка заговорил... Замер наемник, не веря своим ушам. Сергеич, Боря... Вот падальщики, твари! Да что же вы натворили-то?!

– Спасибо, что рассказал, – не узнал свой голос мужчина, поклонился и деревянной походкой пошел к мужикам.

* * *

Я провожал глазами потрясённого Жука и размышлял, правильно ли сделал, рассказав всё без утайки? Ладно, сделанного не воротишь. Посмотрим, чем это всё обернётся в итоге.

Ждал развязки я недолго. На следующий день Сергеич и Борис улетели, закинули их в вертолёт – побитых, но живых.

Новый глава «мангустов» поклялся, что не знал о махинациях их бывшего командира, и я поверил, вернули они моё доверие.

* * *

– Как это мертвы? Ты что такое говоришь, зараза?! – ударила по лицу вернувшегося из Сибири соглядатая Людмила Ильинична. – Как? Скажи мне *как*? – стала она пинать упавшего на пол неприметного мужичка.

– Я не знаю, госпожа, не знаю, – поднял он руки в защитном жесте. – Прошу!

– Говори, что знаешь, и не смей лгать! Если мне не понравятся твои ответы, живым ты отсюда не уйдёшь, – пообещала она. – Ну? Я жду! – не позволила она встать избитому мужику у её ног.

Шпик только и мог, что смотреть на её чёрные лакированные туфельки, покрытые кровью из его разбитого рта. Собравшись с силами, он начал отвечать:

– До меня дошли слухи, что неизвестных нашли мёртвыми. Я заинтересовался. Подкупил нужных людей и попал в морг, – обстоятельно докладывал он, надеясь на снисхождение. – Это были они. Наемники, которых вы наняли для устранения мальчишки. По словам патологоанатома, их разорвал зверь. Возможно, стая волков. Точнее он затрудняется сказать. Это всё, что я смог узнать.

– Ах ты!!!

– Пощадите! – успел взвизгнуть он.

– Шмяк! – опустилась с виду хрупкая ножка на голову мужика, и та лопнула словно арбуз, растеклась лужица крови вперемешку с мозгами по всей комнате.

В это же время в Сибири собачка по кличке Шарик весело гонялась с детьми за бабочками, щёлкая зубами в опасной близости от их крылышек и катая ребятню на своей спине.

* * *

– Следующий! – уже в какой раз за сегодня пожалел я о своей затее, стирая со лба пот.

Натерпелся такого, чего и врагу не пожелаешь.

– Можно, доктор? – с ухмылкой зашла в комнату молодая девушка.

– Проходите, – не показал я виду, как мне надоело выслушивать подколки от бойких барышень на выданье.

– Мне раздеться? – продолжала она издеваться, сделав вид, что собирается снять кофточку.

– Маша Стрельцова, так? – Посмотрел я в бумаги, якобы прочитав её имя там.

Кто она такая, я знал. Дед Потап за чашечкой чая всё выболтал, бдительный же каторжник всё подтвердил, подслушав разговор за дверью, прибежал он ко мне спозаранку докладывать.

– Да, доктор.

– Можешь звать меня просто Семён, Маша, – закатил я глаза, не желая играть в эту игру с подначиваниями.

– Как прикажете, «доктор» Семён, – не сдавалась она.

Ох уж эти барышни! И чего я ей такого сделал? Надоело.

– Раздевайтесь!

– ЧЕГО? – выпучила она глаза, отскочив от стола на полметра.

Вспомнила, наконец, что больше не дочь боярина, а холопка подневольная.

– Не хотите по-хорошему, будет по-плохому. Проведём полный осмотр, – встал я со стула, протянув к ней руки.

– А-а-а! – Выбежала она за дверь, хлопнув ею.

В кабинет с любопытством заглядывали люди.

– Следующий!

* * *

– Чего это сегодня слуги такие смурные? – спросил сын глава рода Смирновых, князь Тимофей Митрофанович. – Коли случилось чего, а я и не знаю?

Наследник, грозный как туча, только больше насупился.

– Снова эта змея весь дом на уши поставила. Вызвала слуг в комнату и велела прибраться...

– И?..

– А там вся комната кровью залита и мертвец на полу.

Один из её холуев, чем-то не угодивший хозяйке.

– Ясно, – потерял интерес к теме дед, словно вросший в кресло корнями, так он был стар.

– Сколько ещё лет мы будем терпеть такое? Может, пора указать ей на её место? – вспылил наследник, вспомнив не так давно звонившего Семёна, рассказавшего интересные вещи о неких военных в противогазах.

– Зачем только воздух сотрясаешь, сын, когда сам всё прекрасно понимаешь? – попенял ему князь.

Пятнадцать лет назад род попал в ситуацию, ставящую его перед выбором: или потерять всё, или пойти на поклон к боярам Чернозубовым, будь они прокляты!

Отец поклонился, женил среднего и младшего сына на их дочерях, и они помогли. Протянули руку, вытащив Смирновых из той ямы, которую выкопал прежний глава рода. Вот и приходится теперь раскланиваться с Людмилой, в девичестве Чернозубовой, чтоб ей провалиться.

– Как там Семён поживает? Созваниваетесь? – сменил тему старый князь.

– Да. Послушай, что он мне рассказал...

Глава 10

– Кья! Кья!

Напрягшись, кинули в меня снежком из укрытия.

– Бе-бе-бе, – строили мне страшные рожицы.

– Ну, я вам сейчас! – пообещал я, и сугроб рядом со мной взорвался, вырвался оттуда радостно лающий Шарик, победив галопом на детей.

– Гав, гав! – прыгнул он на них.

– А-а-а, – с криками разбежались малыцы от чудища-юдища, играючи покусывающего их за лодыжки.

– Будете теперь знать! – потряс я кулаком в воздухе. – Вот непоседы, – отряхнул я шапку и овчинный тулуп, улыбаясь.

Пришла зима. А это кривоватые снеговики с морковкой вместо носа, игра в снежки и катание на лыжах да на коньках. Мороз минус двадцать.

– Бр-бр-бр. Холодно, – запрыгал я на ногах, обутом в валенки. Пальцы коченеют.

Дела шли своим чередом. Всё налажено. Обработать теплицы «дарами природы» – дело всего двух часов. Так что теперь целыми днями только и занимаюсь тем, что заучиваю новые формы, читаю учебники за первый курс университета, ну и играю с детьми.

Ребята, что повзрослей, пристроены в училища и высшие учебные заведения Сибирска. Там учатся и живут, предоста-

вили им общежития. Ну а младшие ходят в нашу только отстроенную школу, подобрали мы учителей из холопов и каторжан.

Взрослым же играть с малышней некогда. Все заняты на работах в теплицах, хлеву или кочегарке. Свободных рук не осталось, всем нашел дело по плечу.

– Семён! – позвал меня Жук.

– Иду, – отозвался я, поймав заигравшегося Шарика. Со всем ребят загонял, тяжело дышали они, вспотев. Кто спрятался за сугробом, а кто и закопался в него с головой. – А ну-ка быстро в столовую! В тепло, – погнал я пострелят, как курочка цыплят. Не дай боже, простудятся. Мне ж тогда от их мамок влетит.

– Я всё вижу! – прикрикнул я на Артёма, намеревающегося закинуть снег за шиворот Тане.

– Это не я!

– Вот как?! – грозно навис я над ним. – А кто вас от простуды лечить будет, скажи мне? Хотите пить горькую микстуру? – обратился я ко всем детям сразу.

– Нееееет! – в страхе прикрыли они рты ладошками, прятавшись за спины друг дружки.

– Не надо, дядя Семён, – попросили они чуть не плача, – пожалуйста!

– Тогда марш греться! И без баловства!

Кто у нас на ферме за врача? Я! И эту проблему надо решать. Ни среди каторжников, ни среди холопов – докторов

нет. Нанять не получается. Никто не хочет работать посреди леса, вдали от цивилизации и благ. Неженки, блин, сибирские!

Проследив за тем, как дети послушно скрылись в столовой, я побежал догонять Жука, который учит меня обращаться с оружием. Неполная разборка и сборка. Стрельба из положения стоя и лёжа. Ну и так далее...

Места тут дикие, каждый должен уметь держать оружие в руках.

Прибыв на стрельбище, где помимо меня было немало народу, азартно стреляющего по мишеням, я подошел к Василию и Петру.

– Где Жук? Вроде за ним бежал, а его нет, – оглядывался я, ища его глазами.

– Да он только в лес отошел. Наш следопыт чего-то интересное показать хочет. Держи, – вручили мне привычный уже автомат АК-12. Серьёзная машинка, выбрал я барабанный магазин с девяносто шестью патронами. – Лисицу не подстрели, – усмехнулись они напутствуя.

Повадилась тут одна бегать рядом с мишенями, выпрашивая покусать. Её не трогали. Мамка молодая, таскала она родившимся деткам тушёнку и куриную грудку.

– Не подстрелю, – отмахнулся я, строя из себя бывалого вояку.

– Ну-ну... – посмеялись мужики мне в спину.

Прошел метров двадцать и лёг на свободное место, засте-

ленное поверх снега непромокающей дерюгой. Вставил магазин, снял с предохранителя, передёрнул затвор и...

– Тыр-тыр-тыр-тыр, – мощно заработал автомат, отстреливая гильзы. Приклад мягко бил в плечо. Запахло пороховыми газами, а из чучела в пятистах метрах от меня выбивало куски ударопрочного пластика. – Трынь-трынь-трынь, – впустую жал я курок. Блин, патроны кончились, с сожалением уставился я на мишень, так и с неотстрелянной головой.

– М-да... Не умеешь ты боеприпас экономить, – заговорили сзади голосом Жука. – Говорю же тебе, твержу – одиночными бей, одиночными! А ты, горе луковое?

– Так веселей. Чувствуешь мощь в руках. Силу, – оглянулся я, воодушевленно потрясая автоматом.

– Эх! – Махнул он на меня рукой, сдавшись, и пошел распекать других бойцов. Он тут инструктор-снайпер. Лучший стрелок из всех мужиков на ферме. – Надеюсь, тебе не придётся стрелять по живым людям, Семён. Это тебе не манекен, – сказал он напоследок, с укором.

– Ваши бы слова да богу в уши, – прошептал я, стоило ему достаточно отдалиться, чтобы не услышать, чего это я там бормочу. – Даже странно. Седьмой месяц пошел, как я здесь, а мачеха ещё никого не подослала меня убить. Странно и непонятно... И это настораживает.

– Ась? – окликнул меня Жук, всё-таки услышавший что-то.

– Ничего, ничего, – отмахнулся я, вставляя новый магазин

в автомат. – Ну, с богом!

Тыр-тыр-тыр-тыр.

* * *

– К приёму всё готово? – спросил своего распорядителя боярин Гончаров Дмитрий Вячеславович, любовно прятавший золотые слитки в сейф.

– Да, барин, – согнул спину старый слуга. – Не знаю только, приглашать ли молодого человека, купившего у нас холопов. Он, как выяснилось, из княжеского рода, – замолчал слуга, ждя ответа.

– Как там его, – пощёлкал пальцами боярин, – Семён, кажется?

Ласково провел он рукой по слитку, отливающему красным, прежде чем присоединить его к другим, выстроенным пирамидкой.

– Верно, барин. Семён Андреевич из Смирновых. Тринадцать лет. Официально имеет нулевую ступень, что странно. Похоже на ложь...

– Ты прав, странно. Хм-м... – задумчиво поскрёб подбородок барин. – Ты это, давай-ка пригласи его, – закрыл сейф Дмитрий Вячеславович, – посмотрим, что он собой представляет и можно ли с ним вести дела. Приглядимся.

– Роду бы пригодился мох с его фермы, – кивнул, пожалуй, самый доверенный слуга Гончаровых. – Жаль, Зорины

не захотели продавать его нам за полщены, из-за чего и погорели, – несмело улыбнулся распорядитель.

– Да. Удачно нам тогда бандиты попались. Навести их на ферму было плёвым делом, – хохотнул боярин.

* * *

Приглашение пришло неожиданно. Раньше меня на такие мероприятия не звали, чему я, откровенно говоря, был рад. Но всё меняется... Пришлось соответствовать и в срочном порядке покупать нормальную шубу, не в овчинном же тулупе туда идти?

Жаль, конечно, белого медведя, накинул я капюшон на голову, рассматривая себя в зеркале, но не мне менять вековые устои. Шуба – обязательный атрибут любого приёма. На такие мероприятия её надевают не для защиты от холода, а для статуса. Так ты показываешь всем свой достаток и положение в обществе.

Именитые купцы носят шубы из бобра и лисицы. Другие им не по статусу. Члены боярских родов – из куницы, песца, норки и волков. Члены княжеского рода – из медведя, рыси, шиншиллы и соболя. Главы же родов (княжеских или боярских – не важно), как и император, одеваются только в меха викуны.

– Красавец, – подёргал я себя за медвежьи уши.

Голову мишке оставили, сделав из неё капюшон.

– Эх... Не зря нас во всём мире называют варварами.

Тук-тук – постучались в дверь.

– Зайдите, – крикнул я, снимая капюшон.

– Карета подана, господин, – заглянул в комнату Жук, снял воображаемую шляпу с головы и подмёл ею полы.

– Шутник тоже мне, – убрал я приглашение на приём в карман современного фрака, скрытого под белой как снег шубой. – Пойдём уже, – позвал я его за собой.

– Не нравится бывать на приёмах? – завёл разговор наёмник, пока мы шли к вертолёту.

– Не нравится быть в центре внимания и быть посмешищем.

– М-м-м... – Замолчал он, перестав лыбиться.

– Забыл, что я только недавно достиг первой ступени? Раньше бы меня и на порог такого мероприятия не пустили. Кому я там нужен?

– А как же?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Это приём у Гончаровых. Наверно, хотят посмеяться над рассказами о своих бывших холопах, таскающих навоз. Кто их знает? Поживём – увидим, – зашли мы на борт вертолёта и полетели.

* * *

– Ваше приглашение, господин? – поклонился мне слуга на входе во дворец Гончаровых, по-другому и не скажешь.

Вертолётная площадка на триста аппаратов и белокаменное произведение искусства в стиле арабских сказок с куполами разных расцветок и обилием красок.

Цвели деревья, заметил я за воротами персик, черешню, яблоню, доносил до меня их запах ветерок. Ползали по земле муравьи, таская ветки. Пели цикады, явно завезенные в непривычные для них широты специально.

Как это возможно посреди зимы, спросите вы? Так дворец и прилегающая территория находятся внутри какого-то пузыря, сохраняющего тепло круглый год. Поистине могучее волшебство. Пятая ступень, не иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.